

ВИКИНГИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

ВЕЩЕЙ
ОЛЕТ
КНЯЗЬ-ВАРЯГ

Викинги. Исторический сериал

Наталья Павлищева

Вещий Олег. Князь – Варяг

«Яуза»

2014

Павлищева Н. П.

Вещий Олег. Князь – Варяг / Н. П. Павлищева — «Яуза»,
2014 — (Викинги. Исторический сериал)

ВЕЩИЙ ОЛЕГ. Князь-легенда, князь-загадка, в жизни которого тайн хватило бы на десятерых... Хитрый и жестокий варяг, он пришел на Русь как наемник – чтобы в конце концов стать одним из самых русских князей. Великий правитель, великий воин, великий волхв, он железной рукой собрал разобщенные славянские племена воедино. Он завоевал новые земли, «отмстил неразумным хазарам» и прибил свой щит на ворота Царьграда, заставив гордую Византию признать Русь равной. Он правил так долго, что многие стали считать князя не только Вещим, но едва ли не бессмертным, а его загадочная гибель вдохновила Пушкина на создание стихов, ставших неофициальным гимном русской армии...

© Павлищева Н. П., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	55
Глава 15	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Павлищева

Вещий Олег. Князь – Варяг

© Павлищева Н., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

От автора

Этого князя называли Великаном Исторического Сумрака. О нем действительно известно очень мало, пожалуй, только то, что прибил щит к вратам Царьграда и погиб от укуса змеи, выползшей из черепа давно забитого коня.

Первое означает то, что князь взял Царьград, а вот второе, хотя и красиво пересказано Пушкиным, невозможно. На Руси никогда не было аспидов, способных прокусить сапог и умертвить физически сильного человека. Болотная гадюка сапог не прокусит.

А вот то, кто же князь в действительности, и впрямь покрыто сумраком.

В романе одна из версий, имеющих право на существование, хотя и активно отрицающаяся многими историками, – Вещий Олег и Рольф Пешеход, зять Рюрика, одно и то же лицо. Суть не в том, где и кем он был рожден, а в том, что сумел собрать несколько русских племен воедино и впервые заставить произнести Русь как название государства даже заносчивую Византию. Именно Олег заложил основу будущей Киевской Руси.

ВОЗМОЖНО, БЫЛО ТАК:

Как был непутевым младший сын кузнеца Сувор, так и остался. Даром что женился. Взял в Изборске сироту, но красавицу и умницу Радогу. С первого взгляда легла душа у Сувор и его жены Дали к невестушке, да только не родительскими молитвами семья держится. Всем была любя жена и Кариславу, а воля дороже. Не мог он дома сидеть, с тех пор как сходил далеко с братом Сувор Дедюней, так покоя не знал. Отец с матерью и женили-то младшего, чтобы не бегал по лесам да весям, думали, молодая жена к родному очагу привяжет крепко-накрепко, но не вышло. И жена всем хороша, и родить уж должна была, а Карислав снова в дорогу собрался.

С тех пор прошло шесть зим, Зорень вырос без отца, всего трижды его видел, когда приезжал набегами Карислав в родной дом. Жили Радога с ребенком в доме свекра, Сувор заменил мальчонке отца, научил всему, точно считал себя виноватым перед Радогой, что дал такого мужа. Всё так же души не чаяли в невестке и внуке Сувор и Даля.

А еще нравилось Сувору, что совсем маленький Зорень не в игры играл, а норовил чему научиться. Уже к пяти годам сделали мальчонке малюсенький, под стать его росту, молот и дали постучать. Получилось, и понравилось, стал Зорень пропадать в ковне, даром что обжигался не раз да тяжелые болванки себе на ноги ронял. Помощники Сувор не могли нахвалиться на смышленного внука деду, а тот брови хмурил, чтоб не улыбаться во весь рот. Гордился Зоренем, как не мог гордиться своим сыном. Но малыш оказался гораздым во всем, и в играх ребячьих был первым, и буквицы освоил, мать научила. Радога тоже была и смышленной, и скорой, первая помощница Дале по хозяйству, никакой тяжелой или грязной работы не чуралась.

Глава 1

Стоит Ладога на месте, где соединяет свои воды речка Ладожка с Волховом, широко раскинула по обоим берегам большие дворы. Выгодное место выбрали те, кто ставил первые дома Ладоги. Здесь проходит путь от греков через славянские земли к норманнам. Доброе село Ладога, всем хватает места, и словенам, и чуди, и норманнам, и балтам, всем, кто жить миром хочет да торговать честно, без разбоя. Гостьбой живет Ладога. Плывут мимо лодьи, то ли по Волхову от Ильмень-озера, то ли от Нево, все едино, остановятся у Ладоги, вытащат свои суденышки на пологий берег да задержатся в поселении кто ненадолго, только поторговать да обменяться чем, а кто и навсегда. Не одни словене живут в Ладоге, есть здесь мастера-умельцы из разных сторон.

Не загородилась Ладога от гостей с Волхова укреплениями, да и от кого городиться, если изначала здесь жили все понемногу, для каждого проплывавшего свои соплеменники находились. Нет у нее ни крепости, ни причалов, как у других. И семьи в Ладоге такие, что не разберешь, у мужа-словена жена чудинка, тут тебе и норманн взял в жены весь, или у чудины любушка из балтов. И дома тоже такие, словно один у другого перенимал, когда строил. Кому на правом берегу Ладожки тесно, на левый перебрались, места хватит. Торговля идет бойко, другой гость дальше Ладоги в Нево-озеро и не плывет, чтоб потом морем до норманнов не идти, здесь все поменяет и обратно к Ильменю возвращается. Оттого у ладожанок украшения знатные, такие не у всех других словен найдешь, и всякого другого добра заморского хватает.

Вольный город, нет здесь княжеской власти, все миром решают ладожане, хотя оружия в городе много. Только каждый знает, что порушить мир легко, а восстановить тяжело. Пока миром живут, а наперед что загадывать?

Двор Суворы словно норманнский или чудицкий, хотя и сам он, и жена его Даля словене, только показалось кузнецу добро так построить, и построил, кто запретить может? У большого очага посередине дома вечером собирается вся семья Суворы, поговорить о делах, решить что-то. Чтобы не было беды от огня у Суворы, как и у других ковалей славянских, да и не только у них, места, где железо варят да куют, поставлены подальше от жилых строений. У Суворы печь совсем недалеко от воды, правда, где берег повыше. Зорень любит смотреть, как дед с подручными ту печь-дманницу загружают, да потом железо из нее ташат и куют. Это полдела, позже из него будут ковать вещи так необходимые. Без топора ни дом не построишь, ни дров не нарубишь, одними сухими веточками очаг не наполнить. И без ножа ничего не сделаешь. И без меча. И рогатина на конце тоже кованым железом одета. Да много что кузнецы могут, и выходит, без их труда не прожить человеку? Сказал как-то об этом Зорень деду, мол, ковали в человечьем житье самые главные. Крякнул тот довольно сначала, бороду свою короткую в кулак собрал, потом головой покачал:

– Так-то оно так, Зорень, да только и без тех, кто хлеб растит, да одежду шьет, да борти держит, да рыбу ловит, да у печи возится, тоже не проживешь.

Не успокоился Зорень, свое спрашивает:

– Так кто в работе самый главный?

Снова усмехнулся дед:

– А кто работает, тот и главный. Все труды хороши, коль хорошо делаются. Запомни это, Зорень. Делай любую работу хорошо, и славен будешь. Крепко запомни, чтоб мне за тебя стыдно не было.

Не успели разогнуться да водицы испить после одной крицы, а уж поспевает следующая. Погнали новую домницу. И снова сначала меха, потом молот. Тяжело дается человеку железо, а

что легко? Хлебушек тоже тяжело и любая другая работа. Если думать только о том, что тяжело, лучше вовсе не работать, лечь да помирать. А если радоваться сделанному, так любая работа не в тягость будет. Приучает Сувор внука, чтоб понимал, что работа не тяжестью запоминается, а результатом, сделай хорошо, и обрадуешься, а люди тебя добрым словом поминать станут.

Только вторую домницу открыли, как старший внук Сувор Гинок прибежал.

– По Волхову лоды плывут! Большущие!

– Откуда?

Махнул недотепа рукой не поймешь куда:

– Оттуда!

Рассердился на внука Сувор:

– Покажи толком, с Ильменя или с Нево?

– С Нево.

– Так лоды или норманнские корабли?

– Не, – закутил головой Гинок, – купцы плывут.

– Ну, купцы подождут, – отмахнулся Сувор. Работа не терпит, нельзя останавливать. Купцы из Свеи или еще откуда издалека торг вести завтра будут. А Гинок не отстаёт, теперь уж к отцу липнет:

– Мать на берег идти хочет. Пустишь ли?

Цыкнул на него Гюрята, чтоб не приставал, не время отвлекаться. Понял Гинок, что лучше убраться подобру-поздорову.

А у дмицы про него тут же и забыли, не до того.

От Варяжского моря гости с товарами нечастые, если кто и приплывет, то больше с оружием. И это не удивительно, ведь сердит древний Волхов, по нему не слишком разгуляешься, такие стремнины есть меж крутых высоких берегов, что редко какая лодья пройдет. Потому купецкие лоды особо привечают. Купцы действительно пристали к берегу, помогли им ладожане лоды насухо подтащить, к себе позвали. Только боятся свеи, чтоб не растащили добро, издалека привезенное, не идут в дома. Махнул рукой чудин Якун, коли боятся, так пусть и спят вповалку у своих кулей, не так знобко, чтоб окоченеть за ночь. Купцы развели костры у лодей, сели греться. Не вытерпели ладожане, кое-кто подсел разузнать, что привезли, чем порадуют. Но видно, те свеи впервые в Ладогe, хвалят не нахвалятся тем, что ладожане и видели много раз, и сами делать умеют. Особо один старается, словно уж и торг ведет:

– Паволоки ромейские есть, тонкие, с золотой нитью, не то что ваши полотна, на солнце сушенные да в воде мокшие! Ножи знатные, хоть на медведя с ними, хоть на врага, все одно, с первого взмаха голову отрежут. Украшения женские да мужские такие, что глаза разбегутся, со всего света. Бусы, браслеты, ножны для мечей, из кости много что...

Усмехаются ладожане, не поймет свей почему, а те кивают, мол, завтра ты нам свое покажешь, а мы тебе свое, и поглядим, чье лучше будет. Разгорячился гость, божится своим богом, что лучше, чем у него, и не сыщешь, готов об заклад биться. Хорень и предложил заклад, да с усмешкой, мол, побоишься, гость, не сдюжишь. Разъярился свей, поклялся на всем своем товаре против шапки Хореня, остальные гости его успокаивают, хоть тоже и впервой на Ладогe, а наслышаны про умение ладожан да про торги у них хорошие и понимают, что не зря так уверен Хорень. Только первого не остановить, побились об заклад. Смеются ладожане, советуют Хореню к Сирку сходить, чтоб шапки не терять. Тот согласно кивает, я, мол, не говорил, что у меня все есть, но у ладожан точно.

Ушли местные спать, а прибылый опомнился, чует, что попал, да обратного хода нет, слово купца должно быть крепко, не то с ним никто торговать не станет. Погрустнел гость свейский, понял, что болтовней своей да горячностью себя сгубил, не знает, что и делать. Подсел к нему самый старший, попенял, что неумным был, посоветовал ночью тайно сняться и уплыть

подале, не станут ладожане гнаться. А там подождать, пока остальные догонят, и к Ильменю вместе идти. Вдохнул своей, послушался старшего, помогли ему темной ночью лодью на воду спустить, да без весел, на одном парусе, чтоб с берега не слышали, уйти.

Утром увидели ладожане, что спорщик сбежал, посмеялись от души и над ним, и над Хоренем, мол, уплыло его богатство.

Одного не заметили ладожане, что Хорень исчез вслед за свейскими гостями, а может, и не вслед, а той же ночью. Только жена его Любава забеспокоилась, что муж домой не вернулся ни к утру, ни на следующий день. Но никто Хореня не видел после разговора с купцами. Всяко бывало, уходили мужики надолго то в лес, то купцов провожать, да только возвращались через несколько дней. Тут чуть не неделя прошла, а Хореня нет, стала Любава спрашивать, кто видел мужа последним, о чем разговор с купцами шел... Вспомнили ладожане про спор со свейским гостем, про заклад, решили, что неладно свей с Хоренем сотворили, чтобы заклад не платить. Вспомнили, и что того купца на торжище не было, и Хореня не видели, а должен бы, хотел же изделиями Сирка да остальных похвастать. Хвастать Хорень любил, не смог бы упустить такое. Он вообще слыл среди ладожан спорщиком и забиякой. Еще мальчонкой вечно в синяках ходил – дрался с любимым, с ним не согласным. А тут вдруг исчез. Неладно что-то, недоброе с ладожанином случилось. Свей уже уплыли, и когда обратно пойдут, кто знает. Зашумела Ладога, заволновалась. Кто Хореня ругал ругательски, мол, нечего было самому свей заводить, дразнить, а другие говорили, что купец виноват, чего свое лучшим считает? Только разговор в который раз к одному возвращается – Ладоге какой-никакой заслон нужен, чтоб не могли проплыть мимо просто так, чтоб остановить можно было да спросить строго.

Но в Ладоге вольница, ни под кем не ходят, все решают общим судом, может, потому и решить не могут. Кто крепость строить будет? Кто ее охранять? Самим? Так для этого все остальное бросать нужно... Опять кто-то выкрикнул, что дружину позвать надобно, чтоб защита была да надежда. Долго шумела Ладога, но так ничего и не решила.

А Хорень как в воду канул, осталась Любава вдовой не вдовой, и не поймешь как.

Вокруг Ладоги все леса да болота, в какую сторону ни глянь. Боры с брусникой, моховиками, глухариные и медвежьи заломы, журавлиные топи, только кое-где белые полосы берез, осины листиками дрожат. Редко займки стоят, далеко друг от дружки.

И по берегам озера Нево тоже людского жилья не видать. Озеро капризное, все норов свой показывает, то холодом пахнет средь лета, то водой зальет. Огнища далеко от берега.

Может, потому, когда вдруг раздвигаются берега Волхова и на месте сведенного леса на луке Ладожки появляются вдруг большие дворы, удивляются купцы варяжские. Это кто впервой плывет, а кто уже бывал здесь, ждут появления Ладоги, знают, что там торг хороший, что можно дальше и не идти, чтоб волховские пороги не проходить да после Ловати лодьи свои по суше не тягать, спины не горбатить. Сюда от Ильменя купцы придут, тут и встретятся. А кому невтерпеж самому в далекие моря сходить, тот дальше по Волхову до Ильмень-озера плывет, тяжело пороги волховские проходит, потом по небольшой да неглубокой Ловати, а там уж волоком через лес, для того порубленный. Тяжко тащить суда со всем скарбом, боязно, скрипят подложенные круглые лесины под килем лодей, скрипят и варяги, что тащат вместе с лошадьми. А навстречу тянут свои суденышки словене, да чудь, да меря, да многие другие, и не только славянских родов, и болгары, и даже греки. Хотя к грекам варяги плавают другим морем, своим, Варяжским, что на заход солнышка от них. А в эту сторону все больше славянские купцы, да сами греки, да персиды, да болгарские, да другие разные с полудня и с восхода. А варяжские лодьи редко когда дальше Ильменя движутся, не любят норманны посуху свои лодьи волочить, и порогов не любят. А кто ж их любит? Волхов подале Ладоги точно в желоб какой забирается, спрятаться норовит, берега вдруг над водой круто вздымаются, вода

навстречу по перекатам так и хлещет, и бывалому жутко становится. Волхов своего батюшку – Ильмень-озеро этими перекатами лучше всяких крепостиц защищает, не все рискнут без договоренности на то по ним от Нево до Ильменя пройти, бывает, что и грабят суденышки. Вот и останавливаются многие в Ладоге, чтоб не рисковать, не идут дальше. Растет Ладога, богатеет, потому как торгом изначально живет.

Глава 2

Хорень так умаялся, что даже всхрапнул маленько, казалось, совсем чуть, только глаза закрыл, а открыл – солнышко уже в небе. Не сразу и понял, где это он, спробудку заерзал, пытаясь выбраться из-под наваленного сверху. Тем себя и выдал, лежал-то под тюками у купца, с которым давеча спорил. Услышал, что тому бежать советуют, спрятался, чтоб вовремя показаться, да заснул. Теперь вот попался, набросились на него, схватили. Если б только за руки, отбился бы, так ведь за ноги уцепили, лицом вниз много ли навоюешь? Потом уж и руки скрутили, галдят по-своему, вроде и понимает Хорень, да не совсем. Как на ноги поставили, глянул на него купец, отпрянул сначала, потом оглянулся кругом, усмехнулся. Глянул и Хорень – уплыл-таки норманн-то, далеко уж Ладога, быстро лодья под парусом прошла. Вокруг лес по берегам, никто на помощь не придет, кричи не кричи. Видно, оттого стал купец варяжский в себе уверен, руками бока подпер, усмехается:

– Что, ладожанин, зачем на мою лодью забрался? Воровать хочешь?

Рассердился на такие слова Хорень, вовек чужого не брал!

– Пошто вором зовешь?! Ты вечер спор затеял, об заклад бился, да сбежал, аки тать в нощи!

Забыл Хорень, что купец не понимает, тот же все по-норманнски лопотал. Сам он понимать понимает, а сказать не может, что и знал, враз забыл. Купец кликнул кого-то, приблизился мужичонка сморщенный, весь скукоженный какой-то. Сначала залопотал по-чудински, Хорень понял, сосед у него Якун, тот чудин, да отвечать не стал, сплюнул только. Мужичок на купца оглянулся, словно прощенья просил, снова залопотал, теперь уж и не поймешь как. Отвернулся от него Хорень, чего с убогим разговаривать! К купцу обратился:

– Скажи своему псу, чтоб по-славянски болтал, коли хочет, чтобы я отвечал, а нет, так пусть уйдет, плешивый.

Мужичок аж взвился весь:

– Ах ты ж! Станешь обзывать, себе же хуже сделаешь!

Понял Хорень, что надо норманнские слова вспоминать, не то этот сморчок такого натолмачит, что и к берегу приставать не станут, тут порешат. Поднапрягся словенин, кое-как объяснил купцу, что пошутил, хотел испугать поутру, да заснул.

Расхохотался норманн во все горло:

– Тебе твоя шутка жизни стоить будет!

Смотрит Хорень на хохочущих вокруг здоровенных викингов и понимает, что их сила. Разозлился, решил, пора норманну про давешний спор напомнить, да только не подберет он тех слов. Хорень толмачу:

– Переводи, собака, но не шуткуй, я норманнский понимаю, говорить только не могу!

И купцу про спор напоминает. А толмач свое лопочет, прислушался Хорень, весь аж позеленел, недаром норманны за мечи похватались. Переводил тот, что, мол, ругает купца ладожанин ругательски, говорит, что слаб он, как новорожденный. Хорень пнул толмача что было сил, да сам, как мог, закричал купцу и остальным норманнам, что врет тать, не то говорил! От злости да с перепугу и слова нужные вспомнил. Стал сам купцу про спор напоминать. Понял его норманн, снова захохотал:

– Ну, показывай свои ладожские поделки! Посмотрим.

Решил схитрить Хорень, предлагает:

– Давай вернемся, покажу.

Махнул купец, чтоб отпустили Хореня, сам меч в ножны вложил.

– Хочешь вернуться? Возвращайся, я тебя с собой не звал. – И рукой в сторону берега повел. Вздохнул Хорень – и то правда, поглядел вокруг. Хоть не так далеко от Ладоги лодья

ушла, и неширок Волхов, до берега доберется, если в воду прыгнет, а что дальше? С собой ничего, ни топора, ни ножа, ни кресала, чтоб огонь разжечь. Жилья вокруг нет, потому норманн и спокоен, знает, что Хореню и бежать некуда. В лесу с голыми руками далеко не уйдешь. Опустил ладожанин голову, прав купец, сам Хорень в его лодью залез, а что теперь делать, и не знает.

Усмехнулся на него норманн:

– Чего ж не бежишь?

Только подумал Хорень, что можно на берегу встречную лодью подождать, как купец и сам это предложил, но только по-другому:

– Пойдут лодьи навстречу, может, кто возьмет...

Вдруг озорно блеснули глаза варяга из-под бровей:

– А то оставайся со мной, поплывешь дале, ты товар хвалить умеешь, будешь помогать.

Назад пойдем, сойдешь в своей Ладоге.

Задумался Хорень и не знает, что ответить. Давно мечтал подале сплавать, да своей лодьи нет, а дома жонка с детьми. Тут вроде и нечаянно вышло, может, и правда уйти с купцом мир поглядеть? Да снова про Любаву свою вспомнил, про деток. Купец пытаться стал, чего не соглашается, Хорень возьми да и скажи почему. Поглядел на него норманн внимательно, что-то себе надумал, да только не заметил того Хорень, увидел злой взгляд толмача. Понял, что этот враг ему навсегда. Интересно, откуда он? И словенский знает, и чудиный, и еще какой...

Любопытно Хореню на норманнской лодье все, у них и весла не такие, и парус, пока разглядывал, день прошел. Есть дали, пить вон за бортом полно, работать пока нечего, чем не жизнь? А лодья стоит, никуда не девается, хотя и к берегу пристали. Хорень вокруг походил, да заметил, что следит за ним толмач тот, шагу ступить не дает. К вечеру догнали их остальные лодьи, долго смеялись над купцом и над Хоренем. Только неизвестно, над кем больше. Утром двинулись вверх к Ильмень-озеру. Слышал Хорень, что от Ильменя по Ловати совсем немного идут, а потом волоком. Спросил своего Раголда, пойдет ли? Тот только вздохнул:

– Там посмотрим. Как торг будет да погода.

У самого Ильменя увидели знакомого купца из ильменских, собирался вниз к Ладоге. Смотрит Раголд на Хореня, ждет, что тот решит, а ладожанин руками развел, мол, вернись, дома дети. Варяг вдруг достал тугой кошель с серебром, отсыпал в тряпицу, протягивает Хореню:

– Возьми, передай. Потом отработаешь.

Заскреб Хорень всей пятерней затылок, и взять хочется, и в долги влезать страшно, но поглядел на купчишек разных, и в полосатых халатах, и в тряпицах, поверх голов навороченных, так ему тоже вдаль захотелось... Махнул ладожанин рукой, взял серебро, отнес купцу, чтоб Любаве передал на прожив. Дивится Варша, откуда столько серебра у небогатого Хореня? А тот на норманна показывает, смотри, мол, он дал. Покачал головой Варша:

– Ой, в кабалу лезешь! Гляди, как бы потом не лить слезы горючие.

Снова махнул рукой Хорень:

– Где наша не пропадала! Будь что будет!

Просит передать жонке, чтоб на деньги те жила, пока хватит, ждала честно два ли, три ли года, дальше как знает. И прошенья просит.

Жизнь у Раголда хоть и опасная да веселая, а на нем ни одной зарубочки не оставила, хотя ходил много куда и много с кем дрался, всякого довелось хлебнуть. Да только одного смертушка подстерегает в первой же схватке, поразит стрелой, не в него и пущенной, пробьет грудь, потушит под ней жаркий огонек, что не дает телу остыть, а другого и мечом секут, и стрелой бьют, и копьём колют, а ему все нипочем. Раголд из таких. За то уважает его Хорень, с ним не пропадешь, есть Доля у купца, хотя и молодой тот, не старше самого Хореня, а уже

много где бывал, много что видел. И на жизнь вокруг глядит с любопытством, а не только наживу ищет.

Глава 3

С востока на запад в земли Ютландии глубоко врежется фьорд Шлее. Он узок, точно специально вырыт для прохода судов. Даже в сильные шторма волны не добираются до Хедебю, стоящего в самой его глубине, там, где речка Шлее сливает свои воды с морскими. Опасное это место, судам угрожают туманы. Но для тех, кто знает в Шлее каждый камень, они не страшны. А враги пусть боятся. Торговый Хедебю хорошо расположен и хорошо укреплен. Подплыть к селению можно только длинным узким фьордом. Само селение окружает стена, с юга рядом с ней проходит еще одна – внешняя. С севера укрепленный холм – Бордхёйде, с которого хорошо видно все, что происходит в заливе. Неподалеку ратный путь, который пересекает укрепления Ковирке и главный вал – Ховедхольд. Можно не беспокоиться. С юга большой торговый город защищен от нападков франков, с моря – от своих же викингов, готовых поживиться и за счет сородичей. Хвала Годфреду, тот много сделал для Хедебю, начав строить защитные валы. Данам издавна мешали франки, воевать с ними на суше викинги просто не могли. Оставалось загородиться, что и было сделано. Правда, сына Карла Великого – Людовика Благочестивого – укрепления Даневирке не остановили, но не все же так сильны и воинственны. Большинство просто не рискует нападать, помня о защитных валах.

Рольф стоял на вершине укрепленного холма Бордхёйде, крепко расставив ноги, точно находился на палубе драккара, и вглядывался в даль залива. Линия берега у всей Ютландии изрезана не хуже, чем у ее северных соседей. Это хорошо для местных – удобно прятаться, и плохо для чужих – налететь на скалы проще простого. Длинный узкий залив Шлее не оставляет шансов пройти незамеченным любому, кто решил добраться к Хедебю. В хорошую погоду с холма Бордхёйде все подходы как на ладони, видно и Шлезвиг. Сейчас конунг выглядывал драккары своего тестя Рюрика. И где его носит, ведь давно уже пора бы пристать к причалам Хедебю! Небось опять ввязался в какую-нибудь глупую свару в Скирингссале, эта его заносчивость до добра не доведет. Нет, Рольф и сам был не прочь свернуть шею попавшему под руку неуголному, но Рюрик стал слишком нетерпимым в мелочах. Конунг вздохнул, времена уже не те, чувствовать себя вольно в своих же землях невозможно, на тингах все чаще кричат о договорах, о мире... Это конунг Годфред был мастер договариваться, с него пошло. Нет, Рольф признавал, что Годфред поступил умно, разрушив ободридский Рёрик, все верно, этот город соперничал с Хедебю издавна, теперь все товары идут через земли данов, но все же... Конунг должен быть прозорлив, расчетлив, но не имеет права забывать о главном достоинстве викингов – умении воевать! Если хозяева северных морей вдруг все станут только торговать, то быстро забудут воинское мастерство, тогда их не спасут и выгодные торговые пути. Кроме того, невозможно всех вольных викингов заставить лишь охранять караваны, всегда найдутся те, кто рискнет напасть. Отвыкнув от войны, можно и не дать должного отпора. Тогда прощайте не только добытые богатства, но и сама жизнь!

Фьорды скрыты туманами большую часть времени, вот и сейчас со стороны моря на скалы медленно напоздало рыхлое облако, даже Шлезвиг начал прятаться в белой пелене, конунг досадливо поморщился и повернулся уходить вниз. В этот момент из тумана послышался рог, сообщающий о продвижении драккара. Этот звук Рольф узнал бы из тысячи других – подавал сигнал Сигтун, кормчий Рюрика. Конунг поспешил к пристани – встречать тестя. Или зятя? Кто из них кто? Не так давно Рольф, на зависть многим варягам, женился на дочери конунга Силькизиф и стал его зятем. Но еще раньше сам конунг Геррауд по прозвищу Рюрик взял в жены сводную сестру Рольфа Ефанду, чья мать из рода урманских князей. Вот и вышло, что породнились дважды. Хорошо это или плохо – время покажет, пока привело к тому, что и Рольфа стали именовать конунгом. Но это призрачная власть, он силен, пока благоволит Рюрик, а конунг словно капризная девушка, настроение меняется, как весенняя погода.

Гораздо лучше было бы самому нанять викингов, построить драккары и попытаться счастья в набегах. Каких? Была у нового конунга своя задумка, он не забыл набег на славянские земли, что лежат за Варяжским морем. Богатые земли. Почему о них забыл сам Рюрик, непонятно. Но Рольф не старается напоминать, сила конунга Рюрика не вечна, придет и его, Рольфа, время. И пусть викинги, косясь в его сторону, говорят, что сейчас конунгом не может стать только ленивый, пусть. Он умеет ждать, умеет копить силы, он дождет своего...

Вслед за конунгом Рюриком на причал прыгнул и его названный брат Трувор. Рольф недовольно покосился в сторону викинга. Этот что здесь делает, ведь собирался остаться в Скирингсале? Прибывшие довольно хохотали, вспоминая, как удалось загнать на скалы драккар Свирепого Онгенда. Нет, обвинить Рюрика ни в чем не смогут, кормчий Онгенда просто не справился, и лучший, недавно построенный драккар серьезно повредил себе корму, только чтобы не врезаться в нос драккара, где командовал гребцами Трувор. Но веселье быстро закончилось, предстояла работа, которую викинги никогда не путали с бездельем. Всему свое время.

Немного позже, когда уже всю кипел пир в большом доме Хедебю, один из ходивших с Рюриком – Сигурд Безрассудный, точно оправдывая свое прозвище, стал издевательски жалеть Рольфа, сидевшего дома, «пока остальные достойные славы своих отцов викинги занимались делом»... Рольф скрипел зубами, стараясь не поддаваться на уловки Сигурда, среди общего гвалта голос довольно пьяного викинга был мало кому слышен. Сидевшие за огромным столом рядом с ним Хейгар и Альдис по прозвищу Хромец пытались утихомирить задиру, зная и нрав младшего конунга, и то, что Рюрик запретил стычки между своими, но Сигурд все больше распалялся и выкрикивал самые обидные прозвища, какие смог придумать. Когда он назвал зятя конунга земляным червем, которого мутит в море, Рольф не выдержал. Вставшего в полный рост викинга не могли не заметить даже самые пьяные собутыльники, статью Рольф значительно превосходил многих из них.

– Что ты сказал, ничтожный болтун, сын шелудивой собаки?!

Вся большая компания притихла как по команде, еще не вполне понявшие, в чем дело, викинги озирались по сторонам. Вывести из себя Рольфа мог не каждый, потому не слышавшие ссоры спрашивали соседей, чем Сигурд так оскорбил зятя конунга.

– Я сказал, что ты земляной червь, которого тошнит в море... – расхохотался викинг, пьяно поводя руками. Он был безоружен, нападать на такого за столом у конунга значило обречь себя на изгнание. Но сейчас Рольф был готов и на это, глянув на Рюрика, он увидел, что глаза конунга насмешливо блестя.

Одним движением Рольф выхватил у Хейгара его боевой топорик и бросил Сигурду:

– Защищайся!

Как бы ни был пьян зачинщик ссоры, он смог поймать топор, сработала многолетняя привычка чувствовать оружие как продолжение себя самого. У Рольфа против боевого топора в руках оказался только большой нож. Викинги окончательно притихли, не слышно было даже обычных для таких боев ставок на победителя. Все вдруг поняли, что Рольф либо убьет Сигурда, либо погибнет под его топором сам.

Зять конунга велик ростом и телом, но и Сигурд не мал, он лишь чуть ниже, зато силен, как бык. Сравнение с быком мелькнуло у всех, кто видел этих животных, – глаза Сигурда налились кровью, лицо побагровело, из горла вырывалось хрипкое дыхание, на руках и толстой шее вздулись вены. Рольф, наоборот, успокоился, он хорошо понимал проигрышность своего вооружения против соперника, но сумел взять себя в руки. Бой выигрывает не тот, кто лучше вооружен, а тот, кто лучше умеет оружием владеть. Все осложнялось пониманием, что погибший в таком бою не попадет в Валгаллу, а за рану потребуются отомстить, поэтому нужно только побеждать. Он старался не думать о том, что его ждет, даже если конунг прогонит, это будет потом, сейчас надо взять плату за оскорбление.

Бой разгорелся нешуточный, соперники были вполне достойны друг друга. Сигурд кружил вокруг Рольфа, стараясь подловить момент, когда будет можно со всего маху всадить боевой топор в большое тело зятя конунга. Тот, прекрасно понимая, чего ждет соперник, внимательно следил за его правой рукой. Сигурд усмехнулся – боится, ведь еще никому не удавалось увернуться от его броска! Злорадно улыбаясь, он стал медленно наступать на Рольфа. Оказавшиеся за спиной младшего конунга в мгновение ока переместились к другой стене, хмель слетел сразу со всех. Многие искоса поглядывали на старшего конунга, только он вправе прекратить этот поединок, но Рюрик молча наблюдал, утюжа тыльной стороной руки длинные полуседы усы. Трувор даже тихо попросил:

– Геррауд, останови, они же поубивают друг друга!

Рюрик сделал останавливающий жест, но не бойцам, а своему названому брату:

– Не мешай.

Наконец Сигурд решил, что топор пора бросать. Он принялся устраивать его поудобнее в руке, на которую все так же пристально смотрел Рольф. Что произошло дальше, никто сразу не понял, Рольф, не спуская глаз с топора, сделал какое-то едва заметное движение и... Сигурд, издав дикий вопль, выпустил оружие и схватился обеими руками за левую ногу, в которой торчал нож соперника! Мгновенно зять конунга оказался рядом с выроненным топором, и тот переключился в его огромную ладонь. Казалось, исход боя предрешен, теперь Сигурд не мог противостоять нависшему над ним сопернику, но так же мгновенно перед занесшим топор Рольфом встал конунг:

– Остановись, ты победил.

Тот презрительно посмотрел на поверженного Сигурда, плюнул в его сторону и пошел вон. Рюрик отправился к своему месту, стараясь не глядеть на истекающего кровью викинга. Никто не жалеет другого из-за ран, тем более сам напросился. Сигурда подхватили слуги и унесли, идти сам он не мог. Больше веселья не получалось, все тихо разошлись, даже разговоров не было слышно. Только один из перепивших викингов, уснувший еще до ссоры, свалившись с лавки под стол, так и продолжал храпеть, его не разбудили ни крики, ни даже шум поединка.

Позже вечером Рюрик велел позвать к себе зятя. Рольф хорошо понимал, о чем будет разговор, он мысленно уже приготовился к отлучению от Хедебю и теперь раздумывал только о том, к кому из конунгов перейдет. В том, что будет изгнан, не сомневался. Но Рюрик только чуть устало показал на место напротив себя. Пришлось сесть. Странно, конунг никогда не беседовал с нарушившими его запрет, просто выгонял – и все. Ясно, переживает за свою дочь... Но Рольф совсем не собирался забирать своевольную капризную Силькизиф с собой, уйдя от конунга, он оставит его дочь при отце. О том, что это позор для молодой женщины, не думалось совершенно.

– Ты понимаешь, что нажил себе смертельного врага?

Вопрос оказался неожиданным, поэтому Рольф чуть помедлил, прежде чем ответить.

– Я должен был стерпеть оскорбления этого вонючего пса?

– Я должен выгнать вас обоих...

Похоже, что Рюрик просто не знал, как поступить. Он позволил начаться поединку, поэтому чувствовал свою вину в ранении Сигурда. Но и если бы тот погиб, то Рольфа следовало выгнать. Рольф не просто зять, он один из сильнейших, только стал слишком крупным, чтобы садиться гребцом на рум. Викинги не раз шутили, что, не ровен час, Рольф перевернет драккар, если лишний раз кашляет. Даже прозвище уже придумали – Рольф Пешеход. И впрямь зятю конунга хоть пешком передвигайся, и на руме тесно, и лошадиные спины гнутся. Тяжел молодой конунг Рольф, ох тяжел...

Правда, у Рольфа есть еще одно прозвище, те, кто с ним не дрался, а дело делал, звали все чаще иначе – Хельги, значит, Мудрый Предводитель. Рюрик старательно не замечал такого

прозвища, оно оскорбительно звучало для самого старшего конунга, ведь по правилам Мудрым да еще и Предводителем могли признать только его, владевшего землями и потому имевшего право зваться конунгом. Правда, времена стали не те, сейчас конунгом может назвать себя всякий, кто пожелает. И самозванцев не смущает то, что тингом не признаны, есть десяток-другой викингов на румах драккара, и ладно, уже конунг! Хотя, если признать честно, Рольф такого звания не просил, получил его, женившись на Силькизиф, а силы и ума у него на десятерых Сигурдов хватит. Только Рольфу не быть кормчим на хорошем драккаре, викинги никогда не станут слушаться того, кто не может с молодецкой удалейю прыгнуть прямо с рума на пристань. Зять конунга этого не может, слишком тяжел.

Рюрик так задумался об излишней величине своего зятя, что забыл о том, что тот находится рядом. Рольф ждал. Наконец конунг очнулся от мыслей и покачал головой:

– Берегись Сигурда, он не успокоится...

Это Рольф прекрасно понимал и сам. Даже если бы они оба ушли из Хедебю, то с Сигурдом лучше было бы не пересекаться, теперь двоим тесно на земле.

Конунгам становится все тяжелее справляться со своими людьми, викинги требуют новой дани, новых земель, а где их взять? Свое побережье уже все обобрано, воевать, отнимая друг у друга, опасно. Куда деваться? На тинге все чаще голоса делятся пополам, одни твердят о мире, другие – о походах на богатые земли франков и других соседей, но только не по суше, а по морю. Арабские купцы, привозящие красивых женщин, отличное оружие и пахучие порошки, рассказывают о несметных богатствах других стран. Конечно, там можно и головы сложить, но для викинга это не преграда, зато в случае победы богатства окупят все труды и лишения. Для них труд – это только война, даже тяжелая работа веслами на румах трудом не считается, это просто жизнь.

Для себя Рюрик еще не решил, пойдет ли со всеми вокруг Европы или останется сторожить свои владения здесь, в Ютландии. Но новые драккары решил все же заказать, они не будут лишними. И желающих сесть на их румы он тоже всегда найдет.

Но жизнь распорядилась несколько иначе...

Глава 4

Плохой год для Радоги выдался, очень плохой. Сначала Карислав весточку прислал, мол, домой не вернусь, живи как знаешь, найди себе другого мужа, коли сможешь.

Потом беда случилась такая, что разом перечеркнула спокойную жизнь...

Зима в тот год встала ранняя, но нестойкая. Снег выпал, потом растаял, снова выпал, то мороз, то оттепель. В такой день поехали Сувор с Далею через озеро к сестре ее на огнище дальше, да в полынью и угодили. И лошадь, и сани под воду быстро ушли, Сувор выпрыгнуть успел, а Даля нет. Кузнец потом долго нырял в ледяную воду, пытался достать жену, но все бесполезно, тяжелая шуба на Дале была, утянул ее Озерный на дно. И сам Сувор занедужил после холодной воды, пролежал с неделю, стал кровью кашлять, в горячке гореть, все жену звал-кликал, чтоб не топла, его подождала... Потом раскрыл глаза, сказал, чтоб не обижали Радогу с Зоренем, только слышала это одна Илица. И будто не слышала. Захрипел Сувор, позвал всех к себе, попрощался и затих навек.

Почуяла Илица себя хозяйкой в семье, хуже самой злой свекровушки стала для Радоги, видел это Гюрята, но не хотел в бабьи дела вмешиваться.

Бьет волна речная в берег, сильно бьет. Редко когда тиха вода, оттого и город прозвали Ладогой – Приволновым. Холодное, своенравное озеро недалеко, то так свой характер покажет, то этак. Но все равно любят его ладожане, привыкли к озерному и речному норову, не ждут от него покорности. Может, потому и сами такие стойкие? Ни холодной воды не боятся, ни морозов, ни слякоти непролазной... Нево-озеро даже в жаркий летний день не всегда теплой волной балует, и в Волхове она тоже студеная, а мальчишки весь день в воде, словно не чувствуют холода. И Зорень стоит. Ловят рыбу у берега. У старших лодки есть, им проще, а младшие пусть пока так, придет и их черед уходить на лов. Опасно это, часто откуда ни возьмись налетит ветер, погонит лодки далеко от берега, если не умеет рыбак управиться веслом, то долго его может и до озера гнать, а то и вовсе Озерный утащит.

Переминается мальчонка с ноги на ногу, озябли босые в холодной воде уж совсем, а уходить нельзя. Нужно наловить побольше, не то Гинок опять на смех поднимет. Вытащил мальчик рыбу покрупнее, обрадовался, теперь можно и домой. А с берега за ним приглядывает Сирко, ладожанин, что живет бобылем на краю пригорода. Нравится упрямый мальчонка мужику, старается Сирко помочь, чем может. Вот и сейчас позвал к себе Зореня, посмотрел на его рыбу, на снасти и подал свои, получше:

– Возьми. Этими ловчее будет.

Глаза у мальчишки загорелись, с такими и правда ловиться будет лучше! Обрадовался, поблагодарил и домой помчался, матери хвалиться. Не успел, Радоги в доме нет, зато Гинок тут как тут:

– Чьи это снасти? Украл, что ли?

Зорень даже красными пятнами пошел:

– Не крал я! Мне Сирко сам подарил!

Гинок не хочет уgomониться:

– Са-ам... Как же! С чего бы это? Никому не дарит, а тебе вона!

Пристал к мальчонке как репей, не отпускает. Так и заставил всех усомниться, одна только мать на защиту встала, предложила сходить к Сирку да спросить. На том и порешили.

Но мальчик ночью услышал, как тихонько плачет мать, стал убеждать, что не воровал тех сетей. Радога сквозь слезы шептала ему:

– Сиротинушки мы с тобой, Зорень, вот я и плачу.

Утром не успели позавтракать, Гинок напомнил про Сирка, мол, идти надо, не то уйдет на реку или еще куда. Не хотелось Гюряте, понимал, что не врет племянник, если бы украл, то не соглашался идти к обиженному. Но Илица тоже строго смотрела, идти пришлось. Радога не отставала, шла вместе с сыном и Гюрятой.

Сирко жил почти на выселках, один все же, семьи нет, от людей подальше, чтоб бабы не приставали. Не живут бобыли промеж остальных людей, странно всем, что у мужика нет хозяйки в доме, что, девок или вдов мало, что ли? Но Сирко вдовец, у него любушка погибла через месяц, как жить вместе стали. Пошла за клюквой на дальнее болото, да и оступилась, видели ее бабы, а помочь не смогли.

Но Радога не думала сейчас, что страшновато идти к нелюдиму Сирку, сына защищать шла, потому не боялась. Сирко таким гостям удивился, но в дом позвал. Радога поневоле огляделась, чувствуется, что нет жены в доме, хоть и чисто, а неуютно, мужская рука не то что женская. Заметил ее взгляд хозяин, усмехнулся, но промолчал. Зарделась Радога, не хотела она и взглядом обидеть Сирка, но сына к себе прижимает, все защитить хочет. И вдруг понял хозяин, зачем такие гости пожаловали, вспомнил, что подарил вчера мальчонке снасть, небось не поверили. Снова усмехнулся, только присесть предложил и сразу к Зореню:

– Как тебе снасть, что я вчера подарил? Сегодня рыбалить пойдешь?

У мальчонки глаза заблестели, радуется, и объяснять ничего не надо, и спрашивать, сам Сирко сказал, что подарил. Смотрит на дядю победно, что, мол, слышал? Мать тоже обрадовалась, сына по голове гладит, только Гинок недоволен да Илица косо смотрит.

Поговорили с Гюрятой о том о сем, подтвердил хозяин, что снасть Зорень не крал, вроде уходить пора, а Радоге даже и не хочется будто. Пусть неуютно здесь, и паутина вон в углах, и у твеса лубяного рукотер совсем ветхий висит, видно, нет тканины, чтоб заменить, а все лучше, чем в крепком доме после смерти Суворы и Дали. Уже на крыльце Сирко вдруг предложил:

– Радога, оставайтесь с сыном жить у меня. Небогато живу, но не обижу. Дому хозяйка нужна, а вам с Зоренем защита. Не сладится, обратно вернешься.

Илица сначала взвилась, но делать нечего – Радога не девка, чтобы ей указывать.

Так и остались Радога с Зоренем в доме Сирка. Радога хорошая хозяйка, все у нее чисто, прибрано, вкусно пахло хлебом да едой, одежка хоть и старенькая, но постирана, заштопана, аккуратно сложена. Пошла-покатилась жизнь в доме у Сирка и Радоги. Жили не как муж с женой, а как брат с сестрой, но каждый старался, чтобы всем троим лучше было...

Глава 5

Некоторое время спустя подружился Хорень со своим нынешним хозяином Раголдом. Особо после того, как сплоховал толмач, не так перевел речь Раголдову; чудины, что слушали, взъярились, Хорень не сразу понял, что тот сказал такого, а как вник, стал объяснять, что противный мужичишка виновен. Раголд, мол, и не то сказал вовсе.

– А что? – спрашивают. А Хорень толком и не знает, что хозяин говорил, только умишком раскинул, свое добавил, а другое изменил – и вышла речь на загляденье – ладная да складная. Толмача Раголд выгнал, а переводить Хорень стал. Тоже труд, но главное – от хозяина ни на шаг. Порадовался Хорень, что язык в Ладогe понимать научился да своим молоть по-всякому. Любава все корила его за болтовню, а вышло, что напраслину возводила. С Раголдом оказалось интересно, тот по свету много поплавал, только в эту сторону впервые, он даже больше путешествиями занимался, чем торгом. Удивило такое Хореня, зачем это? Свей объяснил, что вот разведает он новые земли, приплывет домой, расскажет, что в них хорошо, а что плохо, купцам те знания помогут.

– И сейчас разведываешь?

– И сейчас, – согласился Раголд.

– А после кому сказывать станешь?

Чуть смутился свей:

– Кому понадобится. Кто спросит...

– А деньги у тебя откуда? Чем живешь? С торга-то не слишком много имеешь, коли каждый раз в новую страну идешь?

Не стал дале Раголд говорить, нашел отмашку, но Хорень беседу не забыл, врезалась она в память. Идет свей разведывать, что хорошо у славян, а что плохо.

Но все одно – со свеем много интересного увидел да узнал. В Ладогe расскажет – не поверят. Даже Охрима так далеко не ходил, как Хорень с Раголдом собирается. До самых греков пойдут, если все ладно будет. А если нет? Такую мысль Хорень старался от себя гнать.

– Нет, ты учи, учи!

Рунар в ответ смеялся:

– Да у тебя на теле места без синяка не сыскать!

В ответ Хорень бычился, выставлял кулаки:

– Это мое тело, что тебе до него?! Я не девка, чтоб тебе мои синяки разглядывать. Учи!

Рунар, усмехаясь в усы, снова и снова показывал боевой захват и движение руки при битье в челюсть. Доски драккара стонали от падения на них Хореня. Но на третий день падал уже сам Рунар. Впервые рухнув от удара своего ученика, он долго с недоумением почесывал едва не свернутую челюсть. Варяги вокруг смеялись – научил на свою голову! А Хорень не знал, радоваться успеху или печалиться, вдруг наставник не захочет теперь показывать никаких приемов? Ошибся, учить принялись все, кто хоть что-то умел.

За дни, проведенные в варяжском братстве, Хорень изменился до неузнаваемости. Он и мальчишкой любил подраться, частенько ходил в синяках и на силушку не жаловался, а теперь стало просто раздолье. Руки и ноги вздулись буграми от работы тяжеленным веслом драккара, каждую свободную минуту он тренировал глаз, без конца бросая нож или топорик, отрабатывал на согласных приемы драк. Только таких согласных с каждым днем становилось все меньше... Зато варягам все больше нравился этот хитрый и задиристый русич. Одного только не было у Хореня – настоящего меча, такого, чтоб гнулся над головой, не ломаясь, и выпрямлялся со звоном. Потому варяги и не учили его драться мечами. Они сами таким умением овладевают с детства сначала учебными деревянными и только с возрастом переходят

они, по озеру Нево ходят, как у себя дома, даром что живут далече. Стали словене требовать, чтоб за Ильмень гонцов послать, пожалиться на разбойников, чтоб защитили свои славянские братья, да тот же Якун головой покачал:

– Не до нас им-то... У них самих хазары под боком озоруют, куда им мы. Далече больно...

Закричали почти все, что к кому ж тогда обращаться, как не к славянам?! Пусть Ладога на самом сивере, да все одно свои же! Долго рядили, и все больше звучали слова, что нужно дружину иметь свою или чужую звать, чтоб защищала. Прикинули, кого можно звать, и не нашли никого. А самим ратным делом заниматься не с руки, это же надобно семьи бросать, дела свои, и торговые, и домашние. Долго кричали, да так ничего и не решили, разошлись, как всегда, мрачные, нерешительные. Смутно стало в Ладоге, нехорошо. На норманнов сердитые, а где защиту искать, и не знают.

Сирко тоже ходил, тоже слушал и говорил. Говорил, что как ни далеко Киев, а туда надо взгляд держать, есть города и ближе, славян много, помогут. Но не все славяне в Ладоге, балты недовольны такими речами были, и свеи тоже, и веси... Долго держался в Ладоге мир, как качается бревно, если его точно посередине на опору положить, но нажми на один конец чуть сильнее, и упадет. Непрочно, коли опора только одна, надо несколько. А вот теперь нарушился, если норманны будут обижать ладожан, то кто знает, как все повернется... Никому вражды не хочется, плохой мир лучше доброй ссоры, да только как его удержать, мир-то?

Глава 6

Люди возникли неожиданно, сторожевой викинг даже не успел подать сигнал. Словно стоящие деревья вдруг превратились в человеческие фигуры. Мало того, так же тихо появились и лошади. Раголду и остальным стало не по себе. Но люди не выказывали признаков агрессии или недовольства, просто стояли и смотрели. Четверо мужчин и три женщины. Одеты в меховые накидки, поскольку довольно холодно, на головах ничего нет, волосы женщин стягивали обручи, косы светлые, как и у северянок на родине Раголда.

Варяги только что расположились на ночлег, они старались делать это засветло, чтобы не искать в темноте подходящее место. Пока на кострах жарилось мясо, часть из них улеглась отдыхать прямо в своих драккарах, так привычнее. Солнце уже коснулось самых верхушек высоких елей, позолотило их, над лесом пронеслась стая уток, слетывались перед дальней дорогой в теплые края, тихо шелестел ветер, обрывая желтые и красные листья с деревьев. Вокруг на многие дни пути лес и только лес. Прорубленные широкие просеки для волоков быстро зарастали мелкой порослью, викингам приходилось сначала даже чуть расчищать дорогу для своих лодей, потом уже тащить их, впрягаясь всем сразу в постромки. У Раголда мелькнула мысль попробовать купить лошадей у подошедших. Хотя их всего две, но кто знает, может, жилье недалеко, и там есть другие? Раголд оказался неопытным и не успел взять себе достаточно лошадей в начале волока, а те, что были, быстро пали от тяжелой работы, их зарезали и пустили на вертел. Теперь вместе с викингами драккары тащили всего три лошади, для двух больших судов этого явно не хватало, приходилось часто отдыхать, и Раголд со своими викингами отстал от остальных. Ждать его не стали, у всех каждый день на счету.

Купец сделал знак мужчинам, приветствуя, те спокойно ответили. Мало того, самый старший пустил свою лошадь и шагнул к викингам, похоже, нисколько не боясь. Но Раголду было не до того, его внимание привлекла даже не сама лошадь, а то, что на ней висело. Это оказалась связка отличных соболей, так называемая черная головка! Мех искрился в лучах закатного солнца, он просто играл каждой ворсинкой! Купец показал на шкурки, старик легко отцепил их от простого седла и протянул Раголду. Тот решил, что люди вышли для торга, и поспешил согласиться, боясь, что солнце зайдет, а при свете костра ему могут всучить что-то плохого качества. Но хозяин шкурок покачал головой, он не собирался торговаться. Купец даже про лошадь забыл, да и все, кто видел соболей, тоже. Дальше произошло что-то странное.

Раголд никак не мог объясниться со стариком, как ни напрягал свою память. Хотя слова все и знакомы, но смысла свей не понимал. То, что старик отказывался менять свои меха на его серебряные монеты, – это Раголду было понятно, на что здесь серебро, с кем расплачиваться, но он мог бы предложить и кое-что другое. Только старик отдавал ему соболей просто так! Свей решил, что дело в сочетании слов, которые он понимает неправильно, и поспешил позвать на помощь Хореня.

Ладожанин подошел, усмехаясь. Он часто выступал переводчиком при купце взамен недотепы Балока. Раголд показал на старика:

– Переведи, что я предлагаю выгодный обмен, пусть отдаст своих соболей, а взамен возьмет из моего что захочет.

Хорень объяснил старику, что предлагает свей. Тот закивал:

– Да понял я, понял, что ему черная головка понравилась. Понятно, хорош соболю. Пусть берет.

– Так выбирай, что взамен-то! Только дорого не проси, – расхохотался Хорень. Его веселило выпитое час назад вино. Раголд позволил нацедить из поврежденного бочонка понемногу. Напиток хорошо поднимал настроение, весело было всем, кто пил. Только сам Раголд даже не пригубил. Боялся отравы или что в таком настроении его легко обмануть могут?

Старик снова замотал головой, тоже засмеялся, показывая крепкие, желтые, как у старой лошади, но без единого изъяна, зубы:

– Так мне ничего не нужно.

– Как не нужно? – Хорень продолжал веселиться.

– Да так. Что мне нужно, у меня есть, а собольков пусть берет, коли нравятся.

С Хореня слетела часть хмеля:

– Ты о чем говоришь? Смотри, какие товары у свея, здесь и паволоки тонкие и прочные, и украшения, и посуда... Ты только посмотри! – Ладожанин тащил старика к коробам купца чуть не волоком. Тот продолжал смеяться, отмахиваясь от наседавшего Хореня. Раголд понимал все, о чем они говорили, только никак не понимал смысла ответов старика. Но он видел, что и Хорень не понимает. Значит, скрытый, глубокий смысл был в них, не сразу постигнешь.

Старик смотрел, остальные подошедшие тоже, и мужчины, и три женщины, одна другой крепче и стройнее. Цокали языками, кивали головами, только руками не трогали, и, главное, жадного блеска в их глазах не было. Раголд сам разложил лучшие паволоки, пытаясь увлечь женщин, показал браслеты и броши, вынул из сена тонкие бокалы розового стекла, их с трудом сохранили. И не думал купец таким предлагать, да только так получилось, просто не выказывали эти люди никакого желания обладать такими вещами. Раголд разозлился, понял, что те просто не понимают вещам цену, не могут понять красоты! Разозлился настолько, что вслух и сказал все Хореню, мол, не способны эти нищие оценить красоту, что с них возьмешь!

Глаза у старика вмиг стали строгими, он вдруг показал купцу на алое закатное небо над головой с рдеющими от низко стоящего солнца облаками, на реку, убегающую вдаль, на лес, стоявший сплошной стеной по берегам:

– Вот красота, а то, что ты показываешь, просто хорошо. Только твое нам не нужно. Если тебе нравится, оставь все себе.

Повернулся и пошел к своей лошади, стоящей на краю поляны, потом обернулся и кивнул на лежащие на грубой подстилке меха:

– А соболей возьми, коли они тебе нужны.

Раголд с изумлением наблюдал, как буквально взлетел на спину коня старик, как так же легко села на вторую лошадь женщина с обручем на голове, и вмиг исчезли те, с кем только что торговались у реки.

Немного погодя Раголд напился вместе со всеми и в полупьяном состоянии жаловался Хореню, что совсем не понимает таких людей.

Купцов хорошо понимали, но не желали признавать их правоту, мол, мы живем сами по себе, а вы сами. Раголд иногда горячился, пытаясь объяснить, что это выгодно – торговать.

– У вас много зверя в лесах, вы нам скору, а мы вам красивые и нужные вещи, сделанные в других землях.

Качал головой очередной мужик:

– То, что нам нужно, у нас есть. А у леса мы берем только самое необходимое, не больше. Если брать больше, лес обидится, земля обидится, вода обидится, плохо человеку будет.

– Но весь мир торгует, смотри, я могу дать тебе хорошие вещи, а на обратном пути ты приготовишь мне скору взамен. Договорились?

– Нет, – отказывался человек.

– Почему?

– Если у тебя что взять, то я стану от тебя зависеть, а я вольный.

– А ты отдай мне меха сейчас, у тебя же есть?

– Есть, – лукаво шурит глаза людин. – Да не мои они.

Раголд не понимает:

– А чьи же?

Тот обводит рукой вокруг:

– Хозяина леса, он нам черную головку дает, и белку-веверицу, и все остальное для дани.

У него и проси.

– Как это?

– Попроси да сходи на охоту. Коли хорошо попросишь и лишнего не возьмешь, он и тебе даст.

Все разговоры разбивались о стену непонимания, не хотели вольные люди, как они сами себя звали, ничего брать у купцов и ничего давать взамен, словно им и правда ничего не было нужно. И женщины такие же, они не покупались на блеск украшений, не съедали глазами золотые и серебряные вещи, не вешали на себя бусы и браслеты, не перебирали дрожащими руками тонкие ткани, словно твердо знали, что все это не для них. Берегли вольные люди свою волю, она им дороже золота и серебра, дороже паволоков рамейских, безделок, из кости резанных, стекла заморского...

И почему-то Раголду и остальным было понятно, что силой взять этих людей не удастся, уйдут глубже в лес – и все тут. Они не оказывали сопротивления, но и не гнули спины в поклоне перед сильными, были одновременно гостеприимны, щедры и строги. Они жили своей жизнью, в которой не было места купцу Раголду с его товарами и надеждами. Он мог сколько угодно злиться или ублажать их, но оставался им не нужен!

Пришлось идти к Непре-реке, там хорошие торги, не хуже Ладоги и Хольмгарда. Туда приходят купцы со всех сторон, которые поймут ценность его товаров.

Глава 7

Норманнские драккары вышли в сторону Гардарики, хотя их было всего три, никто не сомневался в успехе. Молодой ярл Харкон радовался своей задумке – отдельно от остальных пограбить богатые славянские земли. Можно даже далеко не ходить, сразу в Волхове разжиться, взять только Ладогу. Там давненько никто не бывал, уже лет десять прошло, как ходил туда Рюрик, много взял, и до сих пор дань платят. Почему ему, а не Харкону, например? Ясно, что удержать их долго не удастся, зато сразу возьмут хорошие меха, они в Ладоге есть, возьмут славянок для торга с арабами и еще чего, там видно будет.

Пользуясь спокойным морем и попутным ветром, подняли паруса. Но погода изменилась на полпути. Ветер вдруг посвежел, небо обложили темные тучи. Когда драккары уже стали втягиваться в устье Нево, их накрыла гроза. Волны, несясь с моря, подняли воду, она выступила из берегов, не давая возможности викингам высадиться или хотя бы пристать к берегу на время бури. Если бы Харкон удосужился расспросить тех, кто бывал в водах Гардарики, он узнал бы, что дважды в год море запирает воды Нево и как бы поворачивает течение вспять. Это пора бурь на своенравном озере, характер которого под стать морскому. Но конунг был слишком самоуверен, он решил, что уж в озере-то его неприятности ждать не могут. И жестоко поплатился за это.

Буря на Нево иногда хуже морской, потому как и в большущем озере от берега до берега не так уж далеко, а волны бросают драккары из стороны в сторону, как в открытом море. Недолго и на скалы налететь. Корабли разметало первым же порывом бури, кормчие не знали окружающих берегов так, как знали их дома, плохо ориентировались, поэтому собраться вместе не удалось. Каждый выбирался сам по себе. Только у Торольда хватило ума попытаться вернуться в море, он сумел это сделать и основательно потрепанный добрался до дома. Остальные нашли свой конец в бурном озере с морским нравом. Два драккара Харкона разбились в щепки, лишь войдя в устье Волхова.

Страшен и гневен в бурю старый Волхов. Кажется, что не волны катятся к берегу, а лихие вороги несутся с визгом и воем. Не белая пена играет на гребнях волн, а чьи-то хищные зубы оскалены. Вал за валом катят они на берег, а сверху шумит дождь. Ветер валит с ног, в дожде и утренних сумерках реки не видно, но слышно, как яро кипит и ревет Волхов. Уж не вмещает земля влаги, не принимает ее, который день ведь хлещет, бегут в реку мутные потоки, сливаясь с волховской водой.

В такую пору никто умный по Волхову не поплывет.

Но такие нашлись, одного из них выловили едва живого ладожане Свул и Сирко, притащили в дом Свула, обогрели, накормили, решили потом расспросить, куда это в такую погоду плыл и с кем.

К утру буря стихла, ветром разнесло облака. Вышли ладожане поглядеть, что непогода натворила. У многих лодки посрывало с привязи, у кого на берег бросило, так еще починить могут, а какие и унесло. Вышел и Свул, рассказал мужикам о неожиданном ночном госте, встревожились все. Стал народ у торжища собираться, обсуждать, что теперь с тем норманном делать.

Решили его всем миром спросить, зачем в Ладогу шел, пусть честно скажет. Отправился Свул в дом, звать гостя, а тот как заснул с ночи на лавке, так и лежит, дышит ровно, раскидался во сне, словно дома на полотах. Усмехнулся Свул, у них полатаи есть ли? Все же в море в лодьях, а там так точно нет, видел он эти норманнские лодьи. Только все одно, стал будить норманна, тот проснулся мгновенно, но не сразу понял, где он. Подскочил, сел, глаза на Свула вылупил, оглядывается. Потом, видно, вспомнил свое плавание, голову опустил, понимает, что ответ

держат сейчас, зачем явился. Так и есть, спросили. У торгошца пристали ладожане приступом к норманну: пошто в непогоду плавал в этих местах, куда шел, зачем? Нечего говорить тому, но голову поднял, больше не опускает, сказал, что драккары его конунга шли к Хольмгарду, буря их разметала, куда девались остальные, не знает, было их по две смены на каждом драккаре, то есть более сотни человек. Чего шли? Без товара.

Значит, воевать – решили ладожане. Вот он стоял перед ними, безоружный норманн, который снова плыл разорять их землю, их данью облагать. Зашумели ладожане:

– Пошто норманны покоя не дают?! Мало дани платим, чтоб торговать не мешали?! Кто защитит?

Напомнил Свул, что с норманном решать надобно, куда ж его-то? Вроде и без оружия тот.

Попросил его к себе норманн Эймунд, что тоже недалеко от реки жил, мол, пусть пока у меня будет. Потом решим. Вроде освободил ладожан от груза, убивать безоружного никто не хотел, плохого он не сделал, а куда девать, никто не знал.

Стал Эймунд говорить норманну что-то по-своему, тот закивал, потом обвел взглядом ладожан свысока, сказал слова благодарности только Свулу да Сирку и ушел, будто одолжение делал своим присутствием. Посмотрел ему вслед Свул и пожалел, что из реки тащил, оставить бы в воде, чтоб утоп. Зато теперь знают, что снова собрались норманны по их дома и дворы, снова разорять хотят, никак им покоя нет, проклятым. В Ладоге не так давно новую дань назначили после набега, теперь другие? Про то и Сирко подумал, решил спросить у Эймунда, те ли или новые разорять пришли?

Догнал он Эймунда с гостем, спросил. Не сразу понял его норманн, потом плечами пожал, видно, не знают они, что другие делают. Кто сильнее, тот себе и рвет кусок. Худо, Ладога ближе всех славянских городов к норманнам стоит, ей первой всегда доставалось. Где защиту искать?

Долго бурлила Ладога, говорили, что надобно крепость ставить, чтоб не мог кто ни попадя грабить, а только кто ту крепость и ставить, и держать станет? Воевода нужен, дружина нужна... Но Ладога не такой большой город, чтоб иметь столько воинов. Что делать? Все одно, норманнам спуску больше давать нельзя, не то каждый их конунг, или как их там, станет приплывать и себе дань требовать.

Были робкие слова, что у них и защиты просить надо, чтоб не просто дань давать, а на ту дань защиту держать.

Прошло несколько дней, улеглась непогода, успокоился Волхов, ушла вода. Встали жаркие сухие дни. Вроде и забыли ладожане про норманна, тем более что тот сидел во дворе у Эймунда как мышь, носа не высовывал. Ладожане отходчивы, стали поговаривать, что, может, и прошли бы норманны мимо, не тронули бы города. Разозлился на них Свул, его двор не раз горел от проклятых, где ж это видано, чтоб волк ближнюю овцу пожалел, а за дальней во двор полез?! Пошумела Ладога, пошумела и забыла.

А еще немного погода пропала у Онфима лодка. Хорошая была, что твоя лодья, на такой в море ходить можно, не только по Нево. Сначала метался по берегу Онфим, ругался, а потом почему-то решил узнать, на месте ли спасенный? Бросились ко двору Эймунда. Вышла его жена, головой покачала:

– Нет мужа.

Ладожане ее приступом берут:

– А где он? А гость где, что недавно пришел?!

Та только головой мотает:

– Ничего не знаю, нету их.

Она вроде как недавно в Ладогe, язык плохо понимает не только словенский или чудинский, а даже норманнский, Эймунд ее откуда-то издалече привез. Не поверили ладожане, сами дом и двор обежали, правда, нет норманнов. Все ясно – их вина, что лодка пропала!

Потом и не вспомнить, кто первым крикнул:

– Жги дворы норманнские!

Бросились все, ни о чем не думая. Выскочил из своих ворот Коёнг, руками замахал, остановить ладожан пробует:

– Пошто мой двор жечь хотите?! Я в чем пред вами вину держу?!

И правда, не за что, никого не обидел Коёнг, все по чести делает, но толпа слепа и глуха, голоса разума не слушает. Запылали и сеновал, и амбары, и сам дом. Еле выскочила жена Коёнга с младшими детьми, а он сам со старшим все пытался растащить горелое, чтоб не занималось дальше. Только запалили сразу со многих сторон, и ветер сильный, посуху вмиг все запылало. Хозяина рухнувшей крышей придавило, старший его сын обгорел весь, по земле катался, пламя сбивал, от боли зверем выл.

А толпа дальше побежала, палили норманнские дворы, о своих не думая. Поняли, что творят, только когда огонь на двор Тувора перекинулся. Заголосила Таля не своим голосом, за ней следом многие бабы, а поздно. Занялась Ладога вся. Ладно бы один берег, так ведь на обоих норманнов запалили, оба берега и выгорели почти все. Метались ладожане: и словене, и меря, и веси, и чудины, и балты, все добро свое спасая. Да только мало помогло, застлал черный дым небо над Ладогой на весь день. Разносил его сильный ветер по округе, и на дальних огнищах увидели, решили, что напали на город враги. Знал бы кто, что сами ладожане и виноваты! Все выгорело, остались только Суворова ковня, она у воды стояла, два двора словенских, что позади коёнговского, ветер огонь в другую сторону увел, да дом Сирка. То ли далеко от всех был, то ли его бог Род хорошо защитил. В остальной же Ладогe ни дома, ни тына – ничего нет, все огонь слизнул. Деревья, что поближе были, тоже пожелтели, спаленные пожаром. Только мост на тяжелых дубовых колодах выдержал, не погорел.

К вечеру ходили ладожане среди угольев да пепла, живых кликали, как после побоища. Не все спаслись. У норманнов Коёнга прибило, сын обгорел сильно да жена умом тронулась, все пыталась белый плат по саже горелой расстелить да улечься на него. Дети плакали, мать в сторону тащили, а она только улыбалась. Другой норманн Рупф убежал с семьей в лес безо всяких пожиток, никто и гнаться не стал, как остальные дворы занялись, не до норманнов уже было. И остальных здорово покалечило, у Онфима женка с малыши детьми погорела, ходил вокруг пепелища, как чумной, не понимал ничего, у Олексы спина обожжена так, что ни лечь, ни сесть не может, волком воет. У чудина Кулбы волосы погорели, один глаз тряпичей прикрыт, не видит больше, у Сула тоже живого места на теле не найдешь. И у всех вместо домов пепелище. Веселка с детьми выскочила из дома в чем стояла, так и метнулась к Радоге. Гюрята с Илицей тоже двор не отстояли, остались нищими да голыми, вся Ладога одно сплошное пожарище. Хоть и привычные славяне к такому, чуть что – горят дома, да тошно сознавать, что сами виноваты.

Пожарище уже почти не дымилось, начинавшийся ветерок раздувал кучи остывшей золы, подымал ее и кружил в воздухе, точно зимой поземку. Горькой та поземка была.

Глава 8

Ладога строилась.

Там и сям звонко застучали топоры, полетели в стороны щепки, изводя любопытных сорок. Чуть опомнились ладожане, те, которые не стали бежать от своих пепелищ, взялись за рукояти плотницких, с тонким перехватом у обуха, широким, оттянутым книзу лезвием топоров. Лес – вот он, руби, ставь вместо сгоревшего дома новый, лучше прежнего. Забудь все печали и заботы, размахнись да не промахнись. Сидит на срубе Гюрята, в простой холстинной рубахе, другой нет, волосы под ремешком растрепались, топором работает. Не впервой горит дом, но такого, чтоб всей Ладогой, еще не было. Славяне дома не ставят когда попало, всему свои сроки есть, но сейчас не до сроков, нужна крыша над головой.

Растут новые дворы в Ладого, зреет и дума у ладожан, как жить дальше. Одна беда у мужиков – нет железных гвоздей и скоб, топоры тоже похуделись. Но ковня только у Гюряты, а тот коваль не знатный, да и свой дом ставить надобно, не до молота с наковальной сейчас. Все одно, пришли мужики к Гюряте с наказом:

– Открывай ковню, без нее никак.

Кроме Суворы, когда-то железо варили чудин Улень да мера Вакша. И тот и другой ушли, один к тестю на огнище подале от всех купцов, норманнов да других чужих людей. Второй так обгорел, что его брат почти на себе увез к родным к Ильмену. Развел руками Гюрята, не знает, что и делать, варить-то он еще горазд, хоть и хуже отца, а вот молотом работать не под силу, тоже пообгорел мужик. Заскучали ладожане, не ждать же, когда купцы гвозди да скобы привезут, а коли и привезут, так возьмут немерено, что дом золотым покажется. Вдруг встал Сирко, подошел к Гюряте, на руки свои, тряпицей перевязанные, поглядел, да и предложил:

– Открывай ковню, я к молоту встану.

Дивятся ладожане:

– А ты коваль ли? Ты ж, Сирко, не в обиду сказано, все поделками занимался.

Тот кивнул:

– Поделки лил потому, что у вас своих мастеров в достатке было, а с малых лет у наковальни стоял, может, и забыл что, так руки вспомнят. Поможешь, Гюрята?

Приплыли лоды с Ильменя, новости принесли такие, что и рот раскроешь. Решили славяне дань варягам не платить больше, не за что, мол. Все едино набеги варяжские терпеть мочи нет, за что и виру немалую отдавать? Зашумела Ладога, загудела, согласны мужики с таким раскладом, сами только-только с норманнами разобрались... И вроде забыли ладожане, чем те разборки кончились, хотя еще щепка возле каждого вставшего дома лежит да тряпицы с мужицких рук не сняты, что горелое прикрывают. Расспрашивают гостей ильменских подробнее, что да как. А те не много и сами знают, знают только, что решили словене, да чудь, да мера, да весь, да кривичи, да другие больше дани не платить, а кому теперь защищать славянские земли да как все будет, про то никто не знает. Стали меж собой спорить и у Ильменя, и в других землях, кто главнее да кто власть держать должен. У Ильменя после смерти Гостомысла внук его Вадим сел, да только слаб очень, не держит ни своих, ни чужих. Войной идут одни славяне на других. Ой, лихо! При жизни Гостомысл хорошо ли, плохо ли, а держал всех, а умирая, вроде наказывал своего внука, сына средней дочери Умилы, что за варяжского конунга замуж выдал, к себе призвать. Дружина у того сильная, мол, защитит от других.

Нашлись и в Ладого такие спорщики, начали кричать, что словене сильнее, другие, что кривичи, или вятчи, или поляне, древляне, или еще кто. Чуть не в бороды друг дружке вцепились мужики, про дальних, хотя и своих, споря. Посмотрел на них Сирко, головой покачал, это здесь, далеко от всех так, а что же там, где славяне кучно живут, творится? Небось совсем

горло брат брату перегрызет. Не выдержал, прикрикнул на спорщиков, мол, им-то что? Оглянулись мужики на Сирка, вдруг на него взъелись:

– А пошто ты вмешиваешься? Ты-то сам как считаешь, кто главнее?

Засмеялся тот:

– Да никто, каждый сам по себе хорош!

Пристал к нему Олекса:

– Не-ет... Ты толком скажи, вот кто под свою власть всех взять должен?

– А без того нельзя, что ли?

Закрутил головой Олекса:

– Никак нельзя! Ежели наряду нет, то любой обидеть может. Мы почему варягам столь времени дань платили? Чтобы других к нам не пускали, чтобы защищали, сами не нападали...

Не успел докончить, перебил его Гюрята:

– А и помогли! Защитили!

Снова загудела Ладога, заспорили мужики. Долго глотки драли, а так ничего и не решили. Ежели больше не платить, то они сами придут. А кто первым врага встретит? Ладога. Ее первую и разорят, хотя сейчас и разорять нечего. Но это сейчас, а немного погода встанет Ладога снова, тогда как? Тяжелые думы у мужиков, никогда не жили спокойно, но теперь совсем смутное время настает. Чувствуют, что кончается вольница ладожская, которой так хвалились – не могли нахвалиться перед другими. Многие задумались, а стоило ли дома ставить, может, лучше было податься, как Улень, в лес на огнище да жить там, от всех спрятавшись, как медведь в берлогу? Только не все землей одной заниматься хотят, есть среди ладожан и купцы, и мастера разные, им как свое дело терять, которому всю жизнь учились?

И Сирко вернулся домой смурной, сел и руки опустил. Радога не знает, расспрашивать ли или он просто устал. На стол поставила еду, сама в сторонке встала, привыкла уже, что не захочет Сирко, ни за что не расскажет. Но тот посидел немного, за ложку взялся и отложил, начал говорить. Пересказал спор мужичкий, головой качает, а Радога в толк взять не может, что его беспокоит. Споры такие у ладожан все время идут. Вот что дань платить славяне отказались да варягов от себя прогнали, то серьезно. Только и Ладога опять не в последних, тоже вон погнала норманнов. Переспросила, ответил Сирко:

– Плохо дело, если в наряде на варягов надеются, мол, они свои, русичи. Только какие варяги русичи? Не делом живут, а разбоем одним.

Дивится Радога:

– А разве не охраной купеческих лодей?

– Ага! И грабят тех, кого охранять наняты!

– Ой, лихо! Чего ж их звать-то?

– Да для нас не то страшно, когда с норманнами ссорятся, то полбеда. Худо то, что меж собой ладу нет. Ежели свои дерутся, то любой, будь то норманн или другой, обидеть сможет. Где защиту искать? Не то беда, что другие славяне от нас далече, а то, что и у них наряду нет. Норманны чем сильны? Жестокие очень, да власть у них сильная. Крепкие конунги своих в обиду не дадут. А у нас, славян, что? Брат брату горло перегрызть готов, и помощи не дожدهшься.

Покачала головой Радога:

– Неправда твоя. Сам посмотри, вона на пожаре все всем помогали, не глядели, свой ли, нет ли. Это богатеи промеж собой дерутся, а простой люд всегда подсобит.

Горько усмехнулся Сирко:

– Эх, если бы! Простой люд подсобит, когда дело плохо, а как все спокойно, так и каждый в кусты. Послушала бы ты сегодня! Чуть не подрались, за дальние споры споря. Тут бы и норманну взять нас запросто. И простой люд пойдет за своих князей других бить, только помани.

– Что ж теперь будет? – Радога тоже присела, с тревогой глядя в лицо Сирку.

- А не знаю, только чую, что тяжкие времена настают.
- Ой, лихо лихое!

Глава 9

Ходуном ходит Ладога, давно уж нет в ней покоя. Купцы, что от Ильменя приходят, все то же говорят, мол, хоть и погнали варягов, свара меж собой идет, не могут решить, кто главнее. Подрядились славяне даже на стороне власти искать, мол, пусть придет кто да порядок наведет. Поахали ладожане, наряд оно, конечно, хорошо, только как-то чужой повернет? Может, так, что и в рабах у него окажемся. Спрашивают купца, а про кого говорят, кого звать-то? Не знает тот, мол, и про степняков речи вели, и про других, и про норманнов тоже. Чуют ладожане, что скоро и им придется для себя решать, под кого головы приклонить.

Мало того, вернулись в Ладогу купцы, что по воде уходили далеко, обнаружили свои дома и амбары сгоревшими, ругались на тех, кто пожар затеял. Только как узнаешь, кто, если весь город горел? Снова собрались ладожане, в который раз уже, снова речи зазвучали разные. Охрима, что к свеям ходил с тремя лодьями да товару много привез, стал говорить, что не надобно было с норманнами ссориться. Как теперь за море ходить? Норманны не простят, что их людей побили, да и дань не платят. Ответил ему Олекса, напомнил, что не просто так от дани отказались, да и норманнов побили тоже за дело. Ладога всем гостям рада, а таким, которые власть над ней берут, – нет! Но купцы свое гнут – негоже с норманнами ссориться, прийти могут в любой день, все разорят, защитити некому. Слово купеческое тяжелое, им все обязаны. Ладога гостями живет, не будут лодьи да другие суда ходить, захиреет город. Товары, здесь сделанные, вывозить надобно, не только для себя ладожане трудятся, да и каждый двор на торжище завязан. Город торжищем богат, а купцы в нем силу великую имеют. Купцов и Гюрята поддержал, лучше уж варягам дань снова платить, чем разорену быть, а за ним и Наум, у которого дом хоть и сгорел, а товару в лодьях, успевших от берега отойти, много осталось, и другие, кто побогаче, кому важно, чтоб снова торг в Ладоге знатный был, а при варягах или при ком другом – неважно. Мало того, напомнили Гостомыслово слово, какое перед смертью сказано – звать к себе на княжение его внука, от дочери Умилы рожденного. Герраудом кличут и во Фрисландии с отцом, норманнским князем, живет.

А все одно – в Ладоге вольница, ладожан просто так ничего сделать не заставишь, ничего не решили и в этот раз. Но на следующий день заметил Олекса, что то один, то другой ладожанин стал к Охриму или Науму заходить, вроде как по делу, только выходят из их дворов и отчего-то затылок чешут. Не вышло у купцов да тех, кто с ними, наскоком мужиков взять, решили потихоньку, по одному. Вскоре подтвердилась дума Олексова, снова созвали ладожане вече, снова говорить про норманнов да про наряд для Ладоги стали. Мол, славяне решили себе со стороны князя взять, а мы что же? Олекса поинтересовался у Охримы:

– И кого же? Уж не норманнов ли?

– А хоть бы и их! – окрылся на него купец. – Все порядку поболее будет, не станут дворы гореть!

– Это каких норманнов?! Каких мы прогнали, пока ты за море ходил?!

Загудели мужики, понял и Охрима, что худым дело закончиться может, стал уговаривать:

– Вы что, мужики, не слушайте вы его, он разве что путное скажет? Не о тех норманнах речь ведем. Мало ли их за морем? Там тоже разные люди есть. Главное, чтоб сильным конунг был, чтоб у него дружина крепкая была, от любой напасти защитити могла...

Олексу угомонить тяжело:

– А от тех защитников кто нас защищать станет? Не ты ли? А то эта сильная дружина, как волк среди овец, порядок наводит будет.

Смеются мужики, только, видно, взяли их чем-то купцы да богатеи, бороды мнут, а Олексу особо не поддерживают. Чует он, что пересилили его купцы, и Сирко за полу дергает, чтоб перестал, видно же, что заранее все решено. Но удержаться не смог:

– Так чего же за морем-то правды искать? Может, лучше вон в Изборск податься за ней?

– Там сами ее на стороне ищут. К варягам надобно!

Зашумели ладожане, кто про варягов кричит, кто про своих, славян. Только снова Наум напомнил, что и славяне не могут сами справиться, у них спор идет про то, кто главнее да кому правду держать. Тут уже Сирко не выдержал, вступился:

– Не славяне спорят, а вот такие, как вы с Охримой, у кого серебра да злата много. Людям что спорить? Не обижал бы никто, да с погодой везло, так нам и никакой власти не надо!

Охрима с трудом перекрыл своим зычным басом шум, который поднялся в ответ на слова Сирка, понятно, что соглашались мужики, те, которые спины гнули на пашне да на покосе, да в кузне, да лодьи загружая и разгружая.

– Ты Сирко умен, да не больно! Князь для того и нужен, чтоб не обижали. А с погодой это никто не властен, разве что бог вон твой...

Побелел Сирко, глаза злые стали:

– Ты моего бога не тронь, он тебе не подвластен!

И так зло это сказал, что даже отшатнулись от него те, кто рядом стоял. Наступила тишина, не успел Охрима ответить, как Наум уж снова людей наставляет. Повернулся Сирко уходить, только остановил его Олекса:

– Чего же ты, кузнец, торопишься? Надо до конца стоять.

– До какого конца? Не то не ясно, что норманнов позовут?

– А пусть и позовут, только смотри каких. Таких, как у нас были, – плохо, давай биться, чтоб других звали.

Удивился Сирко, но остался. И правда, зашумел Олекса снова, мол, хорошо, согласны варягов звать, только не тех, кто уже был, других надобно. Не ожидали такого поворота Охрима и те, кто с ним. Вроде и поддерживает их Олекса, а что-то не верится, что сдался. Стали говорить, кого бы пригласить, чтоб и силен был, и ладожан в рабство не загнал. Тут Сирко снова голос подал:

– А и надобно их на время звать, а не насовсем.

Сразу раздалась голоса:

– Правильно! Определить время, на какое придут, а после чтоб ушли без принуждения!

Засомневался Олекса, что без принуждения уйти могут, только решил, что ладожане и принудить смогут, тоже закричал, чтоб еще и не ближние варяги были. Долго рядили ладожане, до хрипоты спорили, а выбрали того, о ком и думать не собирались, – варяжского конунга Рюрика. Решили к нему послов отправить, пока еще лед не встал. Крутил головой Сирко, не мог вспомнить, откуда он это имя слышал, да делать нечего, решила Ладога свою участь.

Как стали выбирать, кого послать, так Олекса промеж остальных и Сирка выкрикнул. Поддержали его ладожане, помнили, как кузнец, рук и спины не жалея, им помогал. Сирко сначала сопротивлялся, но Олекса и другие его успокоили, что если об Радоге с дитем беспокоится, то зря. Поддержат, все сделают, что надо, пусть плывет к варягам от ладожан. Отказаться бы, да сплеховал Сирко, согласно кивнул.

Пришел домой мрачнее тучи грозовой, стал рассказывать, что ладожане удумали и чем все кончилось. Обмерла Радога, и варягов страшно, и Сирко уедет надолго, как жить? Успокаивает ее Сирко, а у самого кошки на душе скребут. Но вернуть уж ничего нельзя, стал собираться, через два дня решили плыть. Лодьи Охрима дал, правда, выгодно это, он и товара туда нагрузил доверху. Олекса насоветовал Сирку ничего купцам не отдавать, мол, у сеев сам продаст, хоть и все сразу там кому отдаст, тоже выгоднее будет. Правильно подсказал, очень уж обхаживал Сирка Наум, чтоб не связывался с торговлей, мол, дело это сложное, убытку много может быть.

– Чего же ты сам занимаешься? – поинтересовался Сирко.

- Да я так, по привычке, – затянул свою песню Наум, только Сирка не обманешь, смеется:
– Ну, может, и я привыкну.

Маялся Сирко, маялся, потом вдруг позвал с собой Радогу, а Зореня в доме оставил. Привел женщину в хлев, где лошадь стояла, показал спрятанный большой короб. Как открыл его, у Радоги и глаза разбежались, там полно безделок одна лучше другой. Такие и купцам Сирко не всегда давал.

– Смотри, Радога, ежели не вернусь через год-два, бери отсюда безделки да продавай купцам, будет на что вам с Зоренем жить. Только не давай все сразу, чтоб не поняли, что у тебя много есть, и цену не сбили.

Обещала Радога, а Сирко еще одно место показал, наказал запомнить, если лихо придет, там горшок с монетами закопан, чтоб раскопала.

Как отбыли ладожане с посольством к варягам, на следующее утро вдруг началась осень мокрая. До тех пор стояла загляденье, все желтое да красное, лист огнем на деревьях горел, сухо, тепло, а тут сразу меж темным небом и темной землицей повисли полосы дождя, Волхов тоже потемнел и воды прибавил, начал из берегов лезть, Ладожка воды остановила, с берега на берег и не переберешься. Знали ладожане, что это значит, ветер волну с моря в Нево погнал, воду обратно разворачивает, а ту, что вниз течет, не принимает. Такое каждую осень бывало, все бы ничего, привычно, да только не успело посольство и из Нево выбраться, а в такое время озеро опасное. Заныло сердце у всех, чьи мужики ушли к варягам. Замокредло все вокруг, малейшие выбоинки да ямки водой до краев наполнились, поналивались, только не как весной – весело и радостно, а темно и тревожно, словно в ожидании чего длинного и тяжелого. Наступила пора полной оторванности от всего мира. И действительно, теперь до самых морозов ни Волховом не пройдешь, ни по земле не доберешься, развезло окончательно все вокруг.

Тоскливо в Ладоге поздней осенью, не видно разноцветных парусов на реке, не красуются своими задранными носами лодьи, проходящие мимо или пристающие к берегу, не слышно голосов на торжище. И то, погорело все, одни головешки и от торжища остались, под дождем еще страшнее все кажется. Четыре уцелевших дома далеко друг от дружки стоят, ковня темнеет, да новый большой дом, что Олексой да остальными в договор выстроен на зиму, быстро потемнел под небесной слякотью. У Гюряты чуть получше, но все одно – не та Ладога.

Сирко Радогу с Зоренем в хорошем доме, крепком оставил, только дров маловато, бережет их Радога пока да почаще с сыном за валежником в лес ходит. Одно плохо, рядом валежник выбрали, а далеко ходить страшновато, медведи еще не все спать улеглись, есть те, которые берлоги не нашли, да волки стали голос подавать. Что дальше делать, и не знает Радога.

Но выход быстро нашелся. Олексе с семьей и жить негде оказалось, и одеться не во что – все сгорело. Тогда и позвала их Радога к себе, вернее, к Сирку в дом. Олекса с Талей сначала отказывались, но потом согласились, вместе в тяжелую годину легче. Дому хозяин нужен, не то и в крепкой избе без дров замерзнуть можно.

Так и зажили вместе, всем легче и всем веселее.

Глава 10

Не лучшее время для похода к варягам выбрали ладожане, да другого не было. Зимой и вовсе не дойдешь, а по весне можно не успеть, явятся незваные гости, только хуже будет. Ветер все навстречу дует, словно остановить пытается и воду, из Нево в Варяжское море текущую, и лодьи ладожские. Зябко на мокром ветру, это тебе не лес, где деревья ветру разгуляться не дают. Да только не стонут ладожане, хотя и ежатся.

Сирко сидит, на воду глядя, что за бортом струится, и пытается вспомнить, где же он слышал имя конунга, которого звать идут. Подошел Сорок, тому такие плавания привычны, он купец, с Охримой часто далече ходит.

– Что, кузнец, в ковне привычней?

– А то! – обернулся Сирко. – На твердой землице все лучше.

– Э-э... – протянул Сорок, – это кому как. Викинг на земле что твой телок новорожденный, а в море на ногах крепче истукана стоит.

Присел рядом, тоже стал на воду глядеть. Сирко и спросил, откуда, мол, имя конунга помнит? Вроде не встречал никогда.

– Как же ты мог забыть? Рюрик же приходил на Ладогу лет этак десять назад, воевал нас, дань-то мы из-за него столь времени платили! Правда, звали его еще чаще Герраудом, Соколом позже стали кликать.

– Рюрик – Сокол? – удивился Сирко. – Чего же викинга земной птицей кличут?

– Он и на земле успел повоевать. А кличут?.. Видать, стоит того.

– Нам-то он пошто, коли нас же и воевал? Боимся, чтоб снова не налетел?

Сорок вздохнул, головой покачал:

– Ты, Сирко, откуда сам-то? Тебя ж, когда Геррауд Ладогу разорял, кажись, у нас и не было?

Смутился такому вопросу Сирко да вида не подал:

– Я издалече, из полян.

– То-то и не ведаешь наших дел. Геррауд – внук Гостомысла, средней его дочери Умилы сын. Гостомысл перед смертью внука звать наказывал, только старшего, а того убили.

– У Гостомысла же свой внук есть, не из заморских.

– Вадим-то? Слаб он, ни своих, ни тем паче чужих удержать не может. К Ильмену ушел, чтоб со своими не воевать, а норманны там творят что хотят.

– А других нет?

– Нет. У Гостомысла четверо сыновей было, да все сгинули. А дочери по разным землям живут, вот и вспомнил он Умилу и ее сыновей. Вроде и рядом, и варяги.

– А тот внук деда разорять приходил? – усмехнулся Сирко.

– То как посмотреть...

Покачал головой Сирко, чудно мир устроен, внук на земле деда разбойничает, а потом его же наряд держать зовут! Только вспомнил он, что варяги не считаются с тем, откуда женщин берут. Взял и взял, а все сыновья, от нее рожденные, словно и матери не имеют. Слышал Сирко, что варяги сразу сыновей от матери отнимают, чтоб ласки не знали, так научить жестокости проще, да еще и правильным считается сына к чужим людям на воспитание отдать.

Их разговор услышал Тирок, тоже встрял:

– Рюрика еще Победоносным Заслуживающим Доверия зовут. Может, ему и впрямь верить можно?

– Ага! – усмехнулся Сирко. – Как волку среди овец!

Сорок даже оглянулся:

– Ты, Сирко, поосторожней языком-то! Не ровен час, услышит кто...

– Мы еще и не у варягов, а вы уже боитесь? А как же там трястись будете? Чего, у нас самих сил мало? Поставили бы крепость путною и не только у купцов, а у варягов, которые по Волхову мимо плывут, сами дань бы брали!

Тирок расхохотался от души:

– Ага! Туда само собой и обратно тоже! Они твою крепость сожгут в тот же день! При крепости дружину иметь надобно!

– А хотя и дружину? Чем чужим виру платить, так лучше своим, которые в дружину встали бы! – У Сирка душа не лежала за море плыть над собой ярмо просить.

Вздыхнул Сорок:

– Так-то оно так, только, пока мы ставить будем, разорят нас варяги. Да и живет Ладога торгом с двух сторон. А ну как викинги Варяжское море для наших гостей перекроют? Тогда как? С чего дружине платить будешь? И с Ильменя к нам ходить перестанут, не то из-за моря.

И Тирок вздохнул:

– Да-а... куда ни кинь – везде клин.

Хотел было Сирко сказать, что есть славяне, что живут, ни с кем не торгуя, в глубоких лесах, сами себе хозяева, да вовремя сдержался. Если подумать, прав Сорок. Земля у Ладоги плохо родит, не прожить без торга, а гостей не будет, зачем и Ладога нужна станет? Купцами держится город, на том встал. Выходит, для спокойствия Ладоги сильный конунг нужен, и правы ладожане, что Рюрика звать решили.

– А сильный ли Рюрик-то?

Отозвался Тирок:

– Есть посильнее, но и этот справится. Только захочет ли?

Сорок усмехнулся в свои пышные усы:

– Рюрик – младший сын у Людбранта Бьёрна, что из рода Скьельдунгов, ему от брата Фрисландия досталась, да только отняли, а дали Ютландию. Мало конунгу, больше желает. Он и в Ладогу ходил, чтоб всем доказать, что лихой очень. Куда ж больше, чем славянские земли? Вокруг Фрисландии-то все уж поделено.

И замолчал, поняв, что сказал слишком много. Быстро отошел в сторону, чтоб еще чего не сболтнуть. Покосил глазом на него Сирко, но удерживать не стал. А сам снова задумался, да только думай не думай, а другого выхода нет. Уж лучше Заслуживающий Доверия, который еще и внук Гостомысла, чем кто другой. Как-то будет в Ладоге?

Не раз еще разговор тот начинался по пути к Рюрику, только говорили все больше Сирко да Тирок, а Сорок подале держался. И чего боялся? Зато Тирок много рассказал Сирку про пращуров словенских. И откуда знал столько? Спросил у него Сирко, Тирок рассмеялся:

– Вот и оно, Сирко, что ты дома, забившись на полати, сидишь. А я с купцами полсвета обходил, много что слышал и видел.

Обиделся на такие слова Сирко, мол, не всем же по свету бегать, кто-то должен и дома дела делать. Снова смеется Тирок:

– Прав, ежели все станут по свету ходить, тогда и купцы для чего надобны? Каждый сам себе и привезет, что захочет. Только не в том дело. Одному вот свой родной лес близок так, что без него и свет не мил, а другому дорога от порога всего дороже. Я из таких, не могу спокойно дома сидеть, не по мне то. Вон у тех, к каким плывем, одни хлеб ро€стят да за скотом ухаживают и, только когда дома дел меньше становится, тогда вплавь пускаются. Да все одно, стараются вернуться к жатве-то. А других хлебом не корми, а дай соленого морского воздуха поглотать да по морям походить... И к сохе не приучены, руки только и знают, что топорик боевой держать. А иных вообще берсерками зовут. Такие, когда в бой идут, себя не помнят, в зверей превращаются.

– Я про то слышал. А ты их видел?

– Не... И не особо хочу, одним словом, бешеные.

В другой раз взялся Тирок ему про Гостомысла и его род рассказывать. Пожалел Сирко, что Тирок об том в Ладоге людям не рассказал, хотя и не совсем поверил он таким сказкам, но все же. Говорил Тирок, что Гостомysl сын Буриvoja, который варягов крепко бил, да и сам ими тоже не раз бит бывал. Что правил Гостомysl твердою рукою всеми окружающими племенами, платили те дань, и с варягами не раз воевал успешно. Погиб он в бою неравном. Было у старейшины четыре сына и три дочери, сыновья все или погибли, или умерли, не оставив детей. А вот от дочерей внуки есть. Один из них – Вадим – сейчас у Ильмень-озера сидит, да слаб, и недовольны им ильменские словене. К другому плывут, чтоб к себе звать.

Удивился Сирко:

– А ну как сойдутся два внука промеж собой? Как бы нам посередине не оказаться.

– Нет, у Умилы, средней дочери Гостомысла, сыновья в боях взрощены, Вадиму с Герраудом не сладить. Тот викинг, морской разбойник значит.

Вспомнил Сирко, что Соколом кличут конунга, к которому посольством плывут, усмехнулся. Только чтоб они цыплятами при том соколе не оказались. Снова речь повел про то, чтобы на срок звать князя, а не навсегда. Пожал плечами Тирок, мол, там видно будет. И про другое речь завел, стал об этих самых викингах рассказывать. Слушает Сирко, дивится. По всему получается, что и не племя они вовсе, а как бы воинское братство, только разбоем живущее. Сильные люди, не боятся ни стужи, ни жары, ни работы тяжелой, ни боли, готовы служить своему ярлу, не щадя живота своего. Да только не усидеть им на земле спокойно, они на траве, как другие в лодчонке в бурю, зато в волнах стоят на ногах крепко. Люди моря, одним словом.

– Так что ж, у них и городов нет?

– Есть, конечно. Только не такие, как у нас, крепостей не строят, незачем.

– Да ведь и в Ладоге крепости нет.

Тирок соглашается:

– Ладоге защищаться не от кого было, пока незваные гости грабить не стали. А их города все сразу защищают, у них любой при мече ходит да при топорике боевом. С одной стороны топор, с другой – как и молоток, хоть забивай что нужно. Так и живут с оружием под головой, чтоб враспloh не застали. Мечи у них хороши. Я хоть и не люблю доспехов этих, а и то загляделся.

Сирко кивнул:

– Помню, видел. Тяжелые, но крепкие.

Глава 11

В этих водах не бывает мира, здесь царит право сильного, у слабого в любой момент могут отнять все, но у обидчика тоже отнимет сильнейший. Надо не просто держать ухо востро, нужно уметь или уйти, чтоб тебя не заметили, или защищать свое добро, да и жизнь. Тревожно было ладожанам, никто не смог бы им помочь, они хотя и везли товар, но в любой момент могли оказаться жертвой какого-нибудь разудалого ярла на своем драккаре. Беспокойно вглядывались в море на горизонте Сорок и его люди. Но беду пронесло мимо. До Хедебю добрались без приключений, когда Сирко уж не чаял ступить на твердую землю. На первых порах даже ноги не слушались, ставил их широко, словно под ним не твердь земная, а доски лодьи качаются. Смеялись остальные, он-то один непривычный к морским походам был. Тирок успокоил, что и так, мол, хорошо, болезнь его морская не прихватила, не то все кишки наружу бы вывернуло от волн.

Хедебю действительно походил на Ладугу, и домов таких же, как у них на Волхове, много. Только стояли они вдоль деревянной дороги, каждый со своим забором, воротами и дорожкой, а в Ладуге вразброс, там места вдоволь. И речка, как и Ладожка, посреди города течет. Дома, что по ее берегам стоят, имеют ступени к воде. Умно сделано. Увидел на крыше не конскую голову, как дома часто сажали, а олени рога. Чудно. Ходит Сирко, все примечает, только старается от своих недалеко быть, хоть язык и понимает, даны в Ладуге тоже не редкость, а все можно сделать что-то не так. У каждого народа свои привычки, ненароком и обидеть кого недолго. В первый же день увидел он, как викинг с норманнского корабля прыгнул на доски пристани, да вроде и поскользнулся, чуть обратно в море не упал. Помочь бы человеку, поддержать, а все стоят как вкопанные. Дернулся Сирко, да удержал его за плечо Тирок:

– Стой! Нельзя викингу помогать, если не просит, обиду нанесешь смертельную. Мало что самого убьют, так еще и на весь свой род беды навлечешь.

Чудно, помощь за обиду принимать, да только это их дело. Выдюжил норманн, смог прыгнуть вперед к своим, не упал в воду. После того и сказали Сирку, чтоб не отходил далеко да не ввязывался ни во что.

Оказалось, что опоздали ладожане, уплыл совсем недавно конунг Геррауд Рюрик в Скирингссал, чтобы потом отправиться в Сигтуну на тинг, а когда будет, кто же его знает. Сначала хотели плыть туда же, свейских да датских драккаров много до Скирингссала плавают, можно бы с ними. Да не успели, прибыл один из драккаров Геррауда, его сводный брат Трувор, что привел драккар, сообщил, что скоро ярл будет и сам, незачем ходить далеко. Ладожане рады, море Варяжское не мед в зимнюю пору, холодно да ветрено. Их лодьи не очень для такого приспособлены, да и пиратов много. Норманнские да остальные драккары защищены, но и им опасно.

Остальные, может, и томились от ожидания и безделья, а Сирко только радовался. Он нашел дом мастера, что и по желтому камню работал, и бусы лил, и броши делал. Стал Сирко тому помогать и учиться заодно, любое дело, которое умеешь, только на пользу идет.

А пока учился, все расспрашивал да дивился. Много похож оказался Хедебю на Ладугу, здесь тоже почти не выращивали хлеб, жили больше торговлей да ремеслом. Очень интересно было Сирку оружие варягов, хоть и дал он зарок не ковать оружие, но не посмотреть не мог. Особенно много ковалось топоров, которыми морские разбойники владели мастерски.

Сирко до узорчатойковки допустили, но закалку не показали – секрет, какого мастер не открывал никому. Тирок объяснил, что закаливают мечи иногда в крови жертв, и посоветовал Сирку не подвергать себя опасности.

А вот кольчуги они явно делать не умели, вместо того надевали какие-то куртки с костяными вставками, чтоб защитить тело. Вздохнул Сирко, не может он научить ковать кольчугу местного коваля, зарок даден, не то быстро бы выучил.

Море затянуло туманом, викинги боятся туманов больше бурь, он скрывает не только берега, но и тех, кто плывет в тумане. Хотя викинги всегда готовы к бою, у их драккаров на специальных крюках, в единожды и навсегда заведенном порядке висят доспехи и вооружение. Стоило возникнуть тревоге, как они стремительно вооружаются, ловко помогая друг другу. Это иногда было залогом победы и самой жизни. Кроме того, у викингов каждое действие, каждое движение во время боя доведено до совершенства. Если выстрелил первый ряд лучников, то никто не раздумывает, что делать дальше, выпустив стрелы, викинги падают на колени, накладывая стрелы в тетиву луков и открывая при этом цель для второго ряда. Так стрелы летят практически непрерывно, пока не истощится их запас. И гребцы на румах вооружаются по очереди, давая возможность товарищам передохнуть. Хорошо умеют воевать варяги, но и безжалостны они. Такими воспитали их море и сама жизнь, не отнимешь ты – отнимут у тебя, не убьешь ты – погибнешь сам. Поэтому задержка ярла могла означать все, что угодно, вот и беспокоились ладожане.

Но Рюрик пришел. Его драккар голову имел драконью, желтоглазую, и нес гребцов-варягов десятка два, да столько отдыхало. Пристал к берегу без суеты, красиво. Ладожане тоже вышли посмотреть на конунга, которого решили пригласить к себе. Сирко удивился, видать, Соколом ярла из-за носа прозвали, точно хищный клюв какой над усами навис. Глаза круглые, темные, лицо все узкое, некрупное. На кого похож? Сирко и Гостомысла никогда не видал, и про внешность того не слышал. Попробовал по привычке спросить у Тирока, но тот отказался:

– Не ведаю. С Гостомыслом меда не пил, за столом не сидел. Тебе-то что, на кого бы ни похож, все одно – нам другого не видать. А этот наш по матери.

«Наш по матери» принял ладожан не сразу, сначала занялся своими делами. Много привезли драккары Геррауда, нужно было разгрузить. Потасили варяги все на своих спинах. Сирко не мог объяснить, что это вдруг его толкнуло и свою подставить, помнил про совет Тирока не помогать викингу, коли не просит, а вот поди ж ты! Удивился ярл, одну бровь приподнял, что-то у своего кормчего спросил, видно, интересовался, кто таков и откуда взялся. Тот тоже у кого-то спросил, повторил ярлу, одобрительно кивнул Рюрик. Сирко того не видел, он уже тащил здоровенный тюк по сходням, зато увидели Тирок да остальные, живо присоединились. Поработали вместе с варягами на славу, и сами размялись, и помогли. Конунг смотрел внимательно, словно оценивал, не по себе стало Сирку от такого взгляда, поморщился:

– Чего глядит, точно мы рабы его?

Тирок огрызнулся:

– Сам же полез помогать!

Геррауд рассказывал брату Синеусу о делах в Скирингсале. Тот удивлен, почему ярл не остался на зиму там, почему не поехал на тинг в Сигтуну?

– А зачем? Что, я не знаю, о чем говорить будут? – Конунг вроде и удивлен, но брата не обманешь, тот хорошо понимает, что Геррауд просто не хочет лишних расспросов, почему Лотарь поменял ему лен. Мало приятного объяснять, почему вместо богатой Фрисландии, до которой Рюрик ох какой охотник, ему дали Ютландию. Тоже не самый бедный лен, да ведь теперь побережье для него закрыто, а слишком далеко ходить стало тяжело. Новые драккары нужны, но строить их не на что.

– Что другие конунги говорят?

Поморщился Рюрик, головой мотнул:

– Не знаю, с другими не разговаривал. Товары сгрузил и сюда. Рольф сзади идет, может, он что скажет.

Синеус подумал: «Рольф скажет! У того одна мысль – где бы еще чего прихватить». И то ясно, Рольф – зять Рюрика, ему перепадет больше всех, если будет чему перепадать. Продолжит Геррауд ссориться с остальными конунгами да с Лотарем, и вовсе без лена останется. Сейчас у тинга сила, могут не просто погнать, а еще и не давать крова нигде. Синеус поежился, зря ярл не поехал на тинг, кто знает, что там решат, может и один голос перетянуть. Как решат запретить давать убежище изгнанникам, многие задумаются тогда. И у Геррауда немало викингов, которым путь в Скирингссал заказан. У Синеуса лучший друг изгнанник, и у Рольфа тоже. Ему очень не нравилось, что сводный брат потерял интерес к делам. Нельзя же жить одной торговлей, торговать – это хорошо, только викинг на то и викинг, чтобы брать все, что захочет. Если ограничат права ярлов, то добывать себе богатства придется с большим трудом. Нет, Синеус не боялся труда, только смотря какого, одно дело грести, сидя на руме, или брать свое, рассекая противника от головы до пят, и совсем другое – труд сынов Вотана, которые обрабатывают землю или пасут скот не хуже рабов. Викинги признавали только труд по перетаскиванию награбленного, любой другой был им чужд. Кроме воинского, конечно, работа тяжеленным веслом трудом не считалась, это была сама жизнь викинга.

И чем собирается Геррауд торговать, если больше не будет набегов? Хедебю – город торговый, его трогать нельзя, другие земли Ютландии конунгу особых доходов не приносят, для этого ими заниматься надо, скот разводить или землю обрабатывать. Не самому, конечно, но следить за этим, вникать. Другое дело – набег, где все за один раз взять можно. Только набег заказаны для ярла. О-хо-хо, есть над чем подумать.

А тут еще эти странные славяне, до такого додуматься нужно – приехали просить над собой конунгом быть! Только торгуются по времени. Все бы ничего, бывал Геррауд в их землях, и Синеус много товаров видел, из Хольмгарда привезенных, богатые земли. Не так давно Рюрик грабил их Ладогу, что на реке стоит, по которой в славянские земли идти нужно. Дань ладожане выплатили хорошую, а теперь вон защиты просят. Если хорошо подумать, то конунг Геррауд-Рюрик даже право на те земли имеет, дед его тамошним ярлом был. Одно смущает всех, и самого Рюрика, и его братьев – земли от моря далеко, труднопроходимые, все леса да болота, хоть и зовут Гардарикой, а города те в глубине, водой не доберешься. Чтобы там конунгом быть, нужно про море забыть совсем, а Рюрик – викинг до мозга костей, он долго в лесу жить не сможет. Потому и не торопится ответ давать ладожанам.

И сам Геррауд-Рюрик крепко задумался, богатой землей владеть зовут, да только суша там, а он без моря себя не мыслит, кроме того, сразу срок назвали – пять лет. Только и хватит, чтобы крепости поставить, где их нет, а потом плыви себе обратно? А здесь лен уже уйдет, и другие конунги успеют построить новые драккары, а он сам отвыкнет стоять на палубе крепко. Кому будет нужен ярл на старых драккарах и не знающий обстановки? Ему не двадцать лет, чтобы новое дело начинать с возможностью его бросить, Геррауду уже больше пятидесяти лет, он взял последнюю жену, красавицу урманскую Ефанду, думать должен, что ее сыновьям оставит. А что оставлять-то, если Рустинген, что лен после смерти отца и брата получил, к Лотарю перешел? Правда, потом отвоевал Рюрик тот лен, да только вынужден был больше защищать его от чужих, чем сам грабить где-то. А шесть лет назад Лотарь лен поменял, отдав Геррауду Ютландию. Теперь вон тинг решит урезать свободных ярлов в правах, и совсем трудно станет. Но в Гардарике все равно не хочется. Рюрик помнит непокорную Ладогу, та хоть и выкуп большой дала, а не подчинилась. Понимает, что будет считаться конунгом и бояться по земле ходить, чтоб в спину топорик не метнули. Это дело скорее для Рольфа, зятя Рюрика, не зря Хельги зовут, что значит Мудрый Предводитель. Тот бы справился, всех рассудил и правил сильной рукой, но твердой. Может, им Рольфа предложить? А сам куда?

Рюрик пришел в Хедебю, но согласие ладожанам давать не спешил, думал. Тирок сердился:

– Цену себе набивает!

– Грех обижаться на князя, – одернул его Сорок. – Князь на то и князь.

– Да мы и сами с усами! – огрызнулся Тирок.

Старший в ответ только головой покачал:

– Ох, гляди, как бы тебе те усы не укоротили на голову...

Спустя два дня, когда уж предложили конунгу прийти в Ладогу да защищать славянские земли от чужих, вдруг явился к ладожанам брат Рюрика Трувор и позвал перейти в дом Геррауда жить до весны. Задумались ладожане, с одной стороны, вроде и почет от конунга, а с другой – боязно. Сирко понять не может, отчего боязно. Сорок объяснил:

– Они христиане, а мы нет.

– Ну и что? Здесь много каких есть...

– Есть-то есть, да только нам в рабы угодить можно просто, если только ярл пожелает, может продать нас арабам как скот.

– Это отчего же он нас вдруг имеет право продать?! – возмутился уже не только Сирко, но и Малуш.

– Право?! – расхохотался Сорок. – Ты ему еще про права расскажи, тогда обязательно в рабы пойдешь! У викингов право сильного, понял?

– Пошто тогда мы его к себе зовем?!

– Замолчь! – рассердился Сорок. – И так лишнего наделал и наболтал. По Слиторпу слух уж идет, что ты за всеми подсматриваешь, что не к добру это.

Хотел Сирко возразить, что он учится, чтобы дома все так же делать, но увидел злые глаза старшего и промолчал.

Подумали, но решили к конунгу идти, все равно если захочет, то приведет на веревке, лучше уж самим. Вздохнули многие, мало кто думал, что путешествие таким опасным окажется. Вроде и в бурю не попали, и пиратов не встретили, а вот гляди ж ты!

Но ярл оказал простое благоволение, он еще раздумывал над предложением ладожан и хотел присмотреться. Рюрик бывал в Ладоге и даже разорил ее, но одно дело налететь и воевать, подчинять и получать дань, а другое – управлять и защищать. Чтобы защищать, надо быть уверенным, что тебе не метнут топорик в спину, а чтобы управлять, нужно понимать, что справишься. Это не покоренные народы, у которых клейма на лбу, Геррауд хорошо помнил, что даже разоренная Ладога не подчинилась, жители просто ушли в лес и словно растворились. Дань, правда, платили исправно, но сидеть там нельзя, опасно, да и отказались платить. Вот и раздумывал Рюрик, зачем зовут. А если для того, чтобы заманить и убить за прошлые обиды?

Рольф прибыл в Слиторп через несколько дней. Да не просто приплыл, он привел за собой два захваченных драккара Улофа Быстрого! Вместе с викингами на руках. Еще не спросив, как это удалось, Рюрик понял, что Рольф определил его ответ славянам – Лотарь не простит разорения драккаров Улофа, значит, придется действительно уходить в Гардарик, больше ему Фрисландии не видать, пока все не забудется. А Геррауд не так молод, у него уже не те силы, и ждать некогда. Смотрел Рюрик на зятя и не мог понять, рад или не рад такому повороту событий.

А Рольф сошел на берег победителем, он никогда не прыгал, не позволяло огромное тучное тело, но вид все равно имел боевой. Ярл давно хотел проучить Улофа, Рольф об этом знал и не упустил случая, когда увидел драккары бедняги. Тогда он не задумывался об отношениях конунга Геррауда с остальными, просто делал то же, что сделал бы и сам Рюрик. И теперь по праву ожидал благодарности или одобрения по крайней мере. А конунг вел себя странно, он словно оцепенел. Рольф понял, что что-то случилось.

После первых приветствий и распределения новых викингов по старым драккарам, а бывалых на новые, так всегда поступали, чтобы в решающий момент новые не предали и повернули против, Рольф все же спросил:

– Что случилось, мой ярл? Ты озабочен?

Рюрик махнул рукой в сторону Трувора:

– Он расскажет. Потом придешь ко мне, поговорим.

Трувор коротко кивнул и позвал Рольфа за собой. Грузный огромный викинг, которого не выдерживал ни один конь, поэтому ему приходилось передвигаться пешком, с тревогой смотрел на брата конунга. Но викинги привыкли не задавать лишних вопросов, если у Рюрика неприятности, то надо помочь справиться, не интересуясь, как он их заработал.

Когда Трувор пересказал Рольфу новости, тот задумался. Он понимал озабоченность Рюрика, уйди тот сейчас даже из Ютландии, и не скоро сможет вернуться. С другой стороны, здесь уже трудно стало, чуть что – сразу собирается тинг, и могут осудить. Рюрик не побоится выйти один на один против любого конунга, но против всех не рискнет никто. Рольф кивнул:

– Ты прав, нужно уходить. Когда мы наберем с Гардарики столько дани, что хватит купить всех конунгов сразу, мы вернемся. Я скажу ярлу, что надо уходить.

Не только из-за дани и опасности осуждения на тинге склонял Рольф-Пешеход своего зятя конунга Геррауда-Рюрика принять предложение славян, он напомнил, что торговля может приносить такой же доход, как и война, а может, и больший. Сидеть на сухопутном пути от Скандинавии на восток, пусть и через земли славян, это выгода, выгода и еще раз выгода. Если сами славяне этой выгоды еще не поняли, то надо воспользоваться и забрать все себе. Серебро идет двумя путями, один вокруг всех стран, там слишком много желающих поживиться, второй через Гардарику. Да у той и своих богатств хватит. А то, что моря нет, так можно потерпеть. Сын Вотана не имеет права забывать о необходимости постоянно увеличивать свои богатства. Лен в Ютландии никогда не даст столько, сколько даст Гардарика, а набегам заниматься стало опасно.

Конечно, он повторял мысли самого Рюрика, тому просто был нужен сильный толчок. В комнате снова жарко, что за привычка у этих слуг топить камины постоянно, словно это жилище изнеженного арабского купца, а не викинга, привыкшего, чтобы у места его сна пар изо рта валит! Раздраженный конунг распахнул дверь на крыльцо.

Рольф продолжал говорить:

– Мой ярл, кроме того, никто не собирается ограничиваться Ладогой, Трувор не прав, нужно идти дальше. За Ладогой нужно ставить крепость на Ильмень-озере, а потом идти дальше, набрав сил. Все славяне должны быть под твоей пятой!

Рюрик хмыкнул в ответ. Рольф настаивал:

– Да, да, почему бы не стать конунгом всех земель славянских, если они меж собой ссорятся? Возьми их где силой, а где и хитростью. Те, что подальше, от хазар страдают да от ромеев? Предложи защиту, приведи своих людей, а там и подчини себе. Пусть вся Гардарика тебе платит. Главное – это путь к ромеям в обход Европы.

– Они меня зовут на время. – Рюрик был раздражен тем, что какие-то славяне, пусть и из рода его матери, смеют ему еще и условия ставить!

Но Рольф снова смягчил:

– Согласись. Пока. А потом мы их на колени всех поставим. Чем воевать против всех конунгов, лучше захватить Гардарику и вернуться во Фрисландию победителем.

Видя, что ярл уже согласен, он хмыкнул:

– И потом, славянки красивые, возьмешь себе наложниц, сколько захочешь...

Рюрик едва не захохотал в ответ, но тут увидел чью-то тень у крыльца! Кто-то их слышал! Одним движением ярл бросил свое тренированное тело через преграду, но и тот, кто стоял

внизу, тоже успел исчезнуть. Если это свой, то он не стал бы прятаться. Кто же это? Рольф тоже заметил тень, но по тени трудно угадать человека.

Рюрик чувствовал себя просто отвратительно. Нет, он не был ни ранен, ни болен, но занимался делом, совершенно несвойственным варягам, – размышлял. Назвать его глупым или редко думающим ни у кого бы не повернулся язык, Геррауд из рода Скъельдунгов умен и расчетлив. А главное – Рюрик, как все варяги, никогда не сомневается, решения принимает молниеносно и так же быстро выполняет. Но сейчас Геррауд в сомнениях, и это хуже всякой болезни. Есть от чего. Славяне зовут собой править. Только как-то так зовут, словно по договору, – на время и на своих условиях. Трувор твердит, что согласиться можно на что угодно, а там показать этим глупцам, что варягам ставить условия себе дороже.

Геррауд вздохнул, он и сам не мог объяснить, что же так мешает просто принять предложение славян. Вернее, где-то в глубине души понимал, что боится уйти от моря, от остальных конунгов, боится стать сухопутным червем. Нет, он рожден на море, в нем должен и покоиться! С другой стороны, славянские земли богаты, так богаты, что об одном воспоминании о дани скорой руки сами тянутся к мечу – забрать все себе, никому не отдать. Может, прав Рольф, и впрямь стоит взять их под себя, поставить на колени, а потом... Потом он уйдет обратно и просто выкупит Фрисландию? Остаться до конца жизни в болотах Гардарики конунг даже не мыслил. Конечно, хорошо бы поручить славян кому-то вместо себя, но руководить огромным делом издалека нельзя, хоть на время, а придется переселиться туда.

Вместе с тем Рюрик хорошо понимал, что, даже предвидя все неприятности такого похода, он все равно пойдет, потому что отдать кому-то богатейшие земли и дань с них просто не сможет. Зачем же тогда сомнения? Надо идти, и все! Конунг вздохнул, конечно, виной всему возраст, еще десять лет назад он даже не задумался бы, просто сходил и взял. Если поход вдруг оказался бы неудачным, то за ним последовал бы новый, более успешный. А теперь ему много лет, и следующего может просто не быть...

До самой весны не давал ответ ладожанам Рюрик.

Руки у Сирка дело делают, а голова думает. Слышал он разговор конунга Рюрика с зятем его Рольфом про то, как их земли захватить. Вроде и ничего особенного, сами же ладожане зовут Рюрика к себе, да только врезались ему в память слова Рольфа, что надо с Ладоги только начать, остальное потом захватится. А ну как так и выйдет, сядет Рюрик на Ладоге в крепости, станет дань брать с проходящих кораблей, попробуй его оттуда выкури. А как на Ильмень пойдет? У него силы хватит, вон Рольф сколько голодных викингов привел. Как псы, на любую добычу кидаются. Что же это получается, сами себе ярмо на шею призывают? А дома все неладно, грызутся промеж собой славяне и чудь, кривичи да весь. Вроде людям и делить нечего, земли вволю, воды тоже, леса полны, сколь хочешь бери пушнины, а богатеям все мало. Вот и конунгу этому тоже. Ему Ладога не нужна, дань с нее да с остальных земель славянских нужна. А славянам князь хороший надобен, чтоб судил да рядил по совести. Как ожидать совести от чужака? Что будет? Подумать, так и Сорок прав, нужна защита Ладоге от викингов, от набегов, да только как распознать, чтоб та вольная защита хуже горькой неволи не оказалась.

Решил для себя Сирко, что, как вернется в Ладогу, заберет Радогу с Зоренем и уйдет подалье, туда, куда люди Рюрика не сразу доберутся. Сидят же словене да чудь в глуши на огнищах. Лучше за соху взяться, только не тянуть ярмо подневольное.

Наконец стал проседать на солнце грязный снег, обнажая сваленные за зиму под ноги нечистоты и падаль. Даже дорожки не спасали, все вылезло наверх. Сирко удивлялся викингам, особо тем, что пришли с Рюриком. Эти люди не привыкли ограничивать себя ни в чем, если

ели, то до рвоты, если пили, то так, чтобы вино или пиво сваливало с ног, если бились, то обязательно до крови, а еще лучше, до смерти.

Викинги едят так, словно голодали месяцами, рвут пищу руками, в ненасытные желудки проваливается все, что попадает на стол. И все вперемешку: мясо, рыба, сильносоленая говядина, потроха, репа, огромное количество лука, все это заливается пивом, вином, снова заедается раками, копченой и соленой рыбой, снова мясом... Жир, сало, мясной сок текут по рукам и одежде, это никого не смущает, они поистине бездонны. Орут в это время так, словно они в море в бурю, не привыкли есть молча. И так до тех пор, пока вино и усталость не свалят их спать на своих местах.

Не всякий другой выдержит такое зрелище, потому и не рвутся купцы, которые знают нравы викингов, на их пиры. Но, по правде говоря, купцов не зовут, викинги не считают никого достойными есть с ними за одним столом.

Дивился Сирко много чему, громкие голоса викингов он сразу заметил, это понятно, привыкли в море орать, чтоб расслышали, что меры ни в чем не знают, тоже понятно, но почему других равными себе не считают?

Наконец конунг позвал ладожан к себе, тот призыв пришел озвучить его сводный брат Трувор. Сорок сразу кивнул, мол, сейчас будем. И без объяснений понятно, что скажет Рюрик, только вот согласится ли на их условия? Сорок наказывал своих мыслей не выдавать, викинги разозлиться могут вдруг, недолго и головы с плеч потерять из-за одного неосторожного слова, кем-нибудь оброненного. Все поглядели на Сирка, для него в первую очередь говорилось. Кузнец нахмурился, вроде давно уж вообще молчит, а все поминают... Сорок сказал, что речь с конунгом держать сам станет, как в Ладоге велели, чтоб остальные не встревали.

Но Рюрик особо говорить не стал, а тем более слушать ладожан. Сообщил только, что принимает их предложение и прибудет в Ладогу как конунг для того, чтобы править ими и защищать. Умело говорил Рюрик и слова вроде использовал те же, да только так их поворачивал, что выходило, словно они его сильно просили над собой власть взять, а он милостиво соглашался. Хотел Сирко про срок напомнить, да не стал, все одно не поможет. Но Сорок напомнил, и тут ярл согласился, сказал, что доле не вынесет без моря сидеть, как медведь в лесу, а потому ему такой срок подходит, мол, наведет порядок и обратно, а там пусть сами стараются. И снова еле сдержался Сирко, чтоб не спросить, чего стараться-то? Дань ему собирать? Но укорил себя, чего уж тут, сами же приплыли просить над собой наряд взять, Рюрик мог и без спроса за данью прийти, разорил бы Ладогу – и все. Не он к ним с просьбой приплыл, а они к нему, теперь уж терпеть придется. И еще раз подумал Сирко, что надобно бежать с семьей подальше от таких помощников.

Пока на дворе стояли, Сирко, а вернее, его тень попала на глаза зятю конунга Рольфу, тот почему-то замер, но промолчал.

Не заметил кузнец, что внимательно наблюдает за ним зять Рюрика, очень внимательно. А у Сирка что думает, то на лице и написано. Уходить стали, кликнул Рольф Сорока, подозвал к себе, о чем-то тихо говорить стал да в сторону Сирка поглядывать. Озаботиться бы кузнецу, да не ожидал тот никакой напасти теперь-то, когда вроде и выполнили все, за чем плавали.

Вскоре собираться домой стали. Совсем полегчало, только бы дойти хорошо, все же еще рановато, чуют ладожане, что по Волхову лед не прошел, да ведь домой тянет мочи нет. Конунг обещал вслед за ними прибыть, сесть в Ладоге, крепость строить да лодьи новые, чтоб защита была прочной. Сорок пообещал мужиков поднять, чтоб дома поставили для викингов хоть на первую пору. Рюрик кивал, но напомнил, что и жену с собой берет молодую, и даже дочь, ту, что за Рольфом замужем. Конечно, женщины викингов не избалованы, они настоящие дочери Вотана, это он про Силькизиф, свою дочь, но сыны Вотана любят баловать своих достойных жен. Ладожане пообещали построить для дочерей Вотана дома, чтоб было где жить.

А все ж как ушли, Тирок не сдержался, напомнил, что у конунга жену назвать дочерью Вотана никак нельзя, она хилая и болезная, тощая, как щепка, да бледная. Вот дочь, та другое дело, что твой мужик, здоровая. Сорок на него так цыкнул, что тот язык надолго прикусил. Оскорблять жену конунга в его доме! Это могло стоить жизни всем им.

Глава 12

Мартовские утренники еще холодны. Снег лежит так, словно зима отступать и не собирается, только по птичьим голосам люди догадываются о том, что придет долгожданная, принесет с собой ручьи с талой водой, почки на деревьях, траву зеленую... Да еще лед темнеет, становится рыхлым, потом подтаивают проталинки, а там и до дружной весны недалеко. Но то дома, а здесь, у моря, все не так. Море скрыли туманы, это они съедают снега на земле и лед на воде. От туманов особенно тоскливо ладожанам, тогда не видно и моря, откуда они приплыли и куда уйдут скоро. Викинги объясняют, что надо дожидаться попутного ветра, он унесет этот белый водяной дым, наполнит паруса, тогда и гребцам работы меньше будет.

Как ни спешили ладожане домой, а пришлось задержаться в ожидании попутного ветра. Наконец ветер подул с запада, лодьи вышли в море. Под полными парусами легко и быстро скользили по свежей волне, и за весла братья не приходилось. Небо стояло чистое, синее, дымка горизонта отодвинулась далеко, терялась в блеске моря. Первый день плавания был благополучен, решили и ночью идти под парусами, чтоб скорее.

Снова журчит вода за бортом, так же холодно и мокро, как раньше, да только вроде много веселей. Домой плывут, торопятся. Пока морем шли, их драккары Рюрика сопровождали, Тирок даже смеялся, мол, как королей свита. Но зять конунга просто шел за оружием в Скирингссал. Пока под его защитой были, вроде и не так страшно, а разделились, стали по сторонам поглядывать, как бы не налетел кто. Почуяли разницу ладожане, заскребли затылки, правы, мол, купцы-то, с вооруженной охраной много спокойней. Но как к Нево подошли, полегчало, сюда разбойники меньше ходят, особо по весне, когда купцов еще нет.

Лодьи ладожан тоже не пустые плывут, чего же даром ходить? Нагрузил их Сорок товаром в Слиторпе сверх меры, оставалось надеяться, что не поднимется сильный ветер, не то всем на дно дорога. Ворчат остальные, да только против Сорока не пойдешь, на его лодье плывут. Но и Нево пощадило людей, ветер дул хороший, парус полный, а не рвет.

Совсем уж близко волховские берега, одну ночь идти осталось, утром в реку войдут, а там и Ладога. Но небо стало тучами затягивать, не так чтоб совсем темными, но ни луны, ни звезд не видно. Не нравится это купцам, да делать нечего, снова решили на ночлег не останавливаться, под парусом быстрее пойти, чтоб до непогоды в Волхове оказаться. Плещет невская вода под лодьей, бьет в борт, словно остановить их хочет. Тяжелый нрав у Озерного, как что не по нему, так бурей грозит.

Лежит Сирко, думу думает, куда с Радогой и Зоренем уходить из Ладоги. Вдруг к нему под шкуру, которой накрылся, подобрался Тирок, к самому уху прижался, шепчет что-то. Сразу и не поймешь, хотел было Сирко переспросить, да Тирок рот ему зажал и снова говорить стал. Теперь уж Сирко внимательнее слушал. Страшные вещи сказал Тирок. Что убить его этой ночью должен, и так уж тянул до самых родных берегов, не сделал того в открытом море.

– Так убей, чего ты у меня позволения спрашиваешь?

– Не хочу я тебя губить. Только если не я, так другой сделает, не велено тебя до Ладоги живым допустить. За что? Знаешь что?

– Знаю, – усмехнулся Сирко. – Слышал, как собираются нашу землю обманом завоевывать всю.

Вздыхнул Тирок, да только не о том речь он вел.

– Сирко, я тебя через борт перекину, вроде как ножом прирезав, ты поднырни да к берегу плыви, тут недалече, и костер на берегу горит. Это чудины местные, рыбаки, я их знаю. Плавать-то умеешь? До берега доберешься?

– Умею. А тебе что за то будет?

– Коли поверят, что на дно ты пошел, так ничего, а ежели нет, то вслед за тобой пойду. Держи нож, которым тебя убить должен, пригодится. Только вскрикни чуть и под водой задержишься. Сейчас луны нет, не увидят, вынырнул или на дно пошел.

– Радоге передай, чтоб уходила куда подальше, я ее найду потом.

Перевалил Тирок Сирка через борт, в воду плюхнул и встал, чтоб собой загородить, если кто увидит. А вслед подумал, что никому ничего говорить не станет, не ровен час проболтается Радога. Не заметил тироковской хитрости никто, только утром хватились Сирка, ан нет того. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Озерный то чудит, дань свою взял. Помянули добрым словом кузнеца да и к дому повернули. Ладога уж показалась.

Ладожане встречают свое посольство, не знают, с чем идут. Всю зиму, кто оставался, меж собой разговоры вели про то, не зря ли викингов кликнули, а те, кто к Ильменю уплыли, там об этом думали. Сбежался народ ладожский, каждый своего ищет. Все находят, а Радога с Зоренем нет. Похолодело все внутри у женщины, словно чуял беду Сирко, как наказания ей перед уходом давал. Тирок глаза опустил, ничего не говорит, а Сорок ответил, что Сирка Озерный как выкуп себе взял. Повздыхали ладожане, бывает так, с Нево не шути, можно среди полной тиши вдруг в лапы к Озерному угодить, а уж ежели буря начинается, то обязательно кого-то в дань возьмет. Одна только Радога не верит, Сирко не слабый был и на рожон не лез зря, чего это он в воду упал? Никто не знает, никто ничего не видел. Стала женщина Тирока приступом брать, тот отказывается, мол, я на другом конце лоды в ту ночь был, не видал ничего. Горько Радоге и больно, дите уж шевелится, а отец сгинул. Бедовала женщина с одним сыном, а теперь с двумя станет?

И Тироку ее жалко, да только все одно, не стал ничего говорить, пусть поверит, что нет мужа, а то вдруг ждаться станет, поймет Сорок, что не погиб бедолага. Тирок и сам не знает, жив ли Сирко, ведь Нево в ту пору студеное, а до берега плыть надо, добрался ли, кто ведает?

Голый пологий берег заливают вода, ни огня, ни жилья вокруг. Вроде и на костерок плыл Сирко, а вон куда снесло, видно, здесь течение. Или ушли люди, их лодей испугавшись? Тогда худо, тогда некому будет помочь, а у него ничего, кроме ножа, которым Тирок убить должен был. Выбрался на берег, чтоб волна не доставала, и кончились силы, как провалился куда. Последней мыслью было, что все, кончился Сирко, и никто знать не будет, где помер... И то верно, ветер с моря, волну гонит сильную, немного погодя вода совсем зальет берег, и если не уйдет человек подальше – погибнет. А как уйти, если он без сознания, слишком долго в холодной воде плыл, и ноги сводило, и дыхание перехватывало.

На берег из кустов осторожно выбрались двое рыбаков. Вроде видели, как сюда течением человека несло, чудно, в такую пору вплавь-то. Значит, что-то не так... Но берег пустой, огляделись и обратно наметились. Но вдруг один из них услышал, словно стонет кто, остановился, нет, только слышно, как волны о берег бьют, да ветер завывает. Снова стон... Прошли дальше по берегу, увидели вроде как кучу тряпья какого или мусора, озером принесенного. Оказалось, человек, лежит, весь уж холодный, а в руке нож большой зажат. Да так, что пальцы не разжать, свело то ли от холода, то ли от усилия. Потасили скорее от воды к кустам, живой все же, стонет.

Очнулся Сирко на третий день, глядит вокруг, не поймет, куда попал. В землянке вроде, а люди чужие и речь тоже. Но тепло, да и дух хороший, едой пахнет. Попробовал встать, боль захлестнула голову так, что застонал. Над ним наклонился бородатый мужик. Сирко сквозь туман в глазах пытался разглядеть все вокруг, мужик что-то спросил, да только Сирко почти не слышал, хотел сам сказать, что он не тать, что его убить хотели, да просто в воду сбросили, но голос не слушался, только сиплое мычание шло из горла. Понял Сирко, что это его спаситель, сжал тому руку, хотел слегка, чтоб поблагодарить, да получилось сильно, рванул мужик у него из пальцев свою ладонь, заругался. Хоть и не очень понимал ладожанин речь, а что ругается,

сразу понял. Попробовал подняться, ноплыли перед глазами мелкие мошки, свет застилал, хотел рукой отогнать, руки не слушаются, так и остался лежать бревном. Мужик головой покачал, что-то выпить дал, да тряпицу мокрую ко лбу приложил. Вроде полегчало, прохладное на голове приятно, голова-то в жару, горло свело так, что не продохнуть, и грудь сдавило. Сирко снова в сон впал, поплыло все перед глазами, и как провалился куда.

Когда глаза открыл, уже голова не болит, только горло раскаленным обручем стянуто и тело крутит. Огляделся, у огня, что в углу землянки, женщина сидит, делает что-то, за спиной не видно что, напевает. Голос приятный, молодой. Напротив у стены тоже полати, там тряпье какое-то набросано, выход шкурами завешен, от огня тепло идет. Кашлянул Сирко, а то вроде получается, что подглядывает. Вскинулась женщина, к нему подошла. И правда, молодая, глаза блестят из-под плата, говорит что-то, да не понять при быстрой речи Сирку. Помотал головой, что не понимает, женщина еще раз повторила медленнее. Теперь уж понял, вепсинский говорит немного знаком. Спрашивала, не хочет ли пить. Сирко головой закивал, пробует сказать в ответ, а голос не слушается. Женщина чашу с водой к его губам поднесла да палец к своим прижимает, чтоб молчал. А почему молчать должен? Выпил Сирко горячего, хотел было спросить, почему нельзя говорить, а женщина на его горло показывает, потом на свое и головой качает:

– Нельзя говорить, горло болит.

Согласен Сирко, болит проклятое, и горячее питье не помогает. Кивнул только, хочется спросить, где это он, а никак. Женщина снова попробовала объяснить, что пока молчать нужно, не то совсем голос потеряет. Тут в землянку двое мужчин зашли, снаружи холодом пахнуло, да шум дождя слышен стал. Вепсинка им про Сирка сказала, подошел один к больному, посмотрел на него, покивал, тоже велел пока молчать.

– Потом про себя расскажешь. Видели мы, что тебя с лодьи столкнули, течением к берегу несло, иначе не выплыл бы. Сейчас лежи, лечить будем.

Лечили хорошо, отварами все поили да грудь растирали жиром барсучьим и медвежьим. Шею перемотали тряпьем, в отваре намоченным. Помогло, стал Сирко быстро поправляться, только все запрещали говорить ему. Зато рассказали сами и как нашли, и как сначала к костру своему тащили, потом в землянку. А теперь вот на огнище дале по берегу надо, как на ноги поднимется, так и пойдут, и так уж задержались против всяких сроков. Сирко руками показывает, что идти готов. Сомневаются рыбаки. Тогда ладожанин подхватил одного из них, легко поднял в воздух да на новое место поставил. Охнул сначала вепсин, потом захохотал, по плечам Сирка хлопает, силу хвалит. Решили завтра и идти поутру. Не спросил Сирко, куда пойдут, все одно в Ладогу теперь нельзя, а так с хорошими людьми хоть куда.

Застучали в Ладоге топоры, ставят новые дома для конунга и его семьи, а уж крепость пусть сам ставит, на то он и защитник. Приплыли от Ильменя те, кто уходил на зиму, тоже топорами застучали, если под охраной, то можно Ладогу восстанавливать. И торжище новое нужно, и причалы хорошие.

В доме Радоги еще с зимы поселился Олекса со своей семьей, негде им было больше. Радога твердила, что Сирко был бы не против. Зиму пережили хорошо, Олекса брал с собой Зореня в лес, женщины занимались своими делами, все сыты, согреты... Радога в тяжести оказалась от Сирка, получалось, что с двумя детьми да без отцов будет. Но дети всегда радость, хоть и тяжело их вырастить. Олекса с Талицей обещали помочь.

Глава 13

Зиму Хорень вместе с Раголдом невольно провел в Киеве.

За зиму Хорень окончательно извелся, он чем только не пытался заниматься... Помогал хозяину в его каждодневных делах, учился у его брата шить порошни, даже мял кожи на дальнем дворе со знакомым усмарем. Только мечники да лучники чужака к себе не подпускали. Хорень даже обиделся: очень надо! Варяги не могли понять, чего ему неймется. Отдыхал бы себе, ведь весной начнется тяжелая работа, еще намашется веслом на руме лодьи. Раголд, напротив, был всю зиму занят. Как он находил себе друзей и просто собеседников, для всех оставалось загадкой, но где бы ни появлялся свей, вокруг него тут же как грибы после дождя вырастали люди, желавшие рассказать что-то интересное про дальние земли. Хорень дивился: не купец, а ходячий короб со знаниями!

Наконец в воздухе запахло весной, сосульки под солнечными лучами вовсю капали днем, но за ночь снова застывали. Лед на Днепре побурел, как-то просел, сразу и на реке, и на берегу стали хорошо видны следы зимнего пребывания людей – брошенные или оброненные кем-то вещи, конский навоз в местах, где переправлялись по льду, грязь и всякий мусор. Киевлян это не беспокоило, скоро вскроется река, вешняя вода смоем, унесет любые следы. Первыми прилетели грачи, они важно расхаживали по малым еще проталинам, выискивая опрометчиво вылезших на солнце червячков и жучков. Люди радовались – если прилетели грачи, значит, скоро и совсем теплые деньки.

Ночью киевлян разбудил страшный треск и грохот. Раголд с Хоренем подскочили, спронеья не в силах понять, что происходит. Гугня успокоил:

– Река пошла...

Глядя на хозяина, зевнувшего и отвернувшегося досыпать, гости немного успокоились. Но треск, доносившийся с Днепра, уснуть не дал. С первым светом они не сговариваясь отправились на Подол. Река и впрямь пошла, за ночь вода сломала лед и теперь несла все вперемежку: огромные льдины, несколько вывернутых где-то деревьев, чей-то труп, показались лошади, колесо от телеги...

Но купцы радовались: сойдет лед, и можно двигаться в путь. Тронулся и Раголд со своими. И до самой середины лета пропадали они в дальних землях, то торгуя, то меняя товар на товар...

К грекам они не пошли, Раголда больше интересовали славянские земли, а его варягов сами славянки. Не вспомни Хорень давнего разговора про разведку, дивился бы Раголду, а сейчас понимал, что купец больше смотрит, чем товар предлагает. Даже персидского купца не про его родину расспрашивал, сам там бывал и многое знал, а про походы по градам и весям славянским. Пожимал плечами персид, но рассказывал. Он много раз по Днепру и Итилю ходил, много раз и в сторону сворачивал, тоже говорил, что там много людей, какие в торговле не нуждаются, сами все для себя делают и в кабалу лезть не хотят. С теми трудно торговать. Все персид знал, все видел. Маленький, юркий, шустрый, круглый год в одном своем цветастом халате, и в жару, и в мороз, словно и не брало его ничего. Знал и сколько соли дают за какую шкурку, и на сколько кадей зерна меняют кусок багряного бархата, и где лучше торговать мечами да кольчугами, а где мехами да конями. И снова удивлял его Раголд, меньше слушал о товарах да торжищах, больше спрашивал о людях, на разных землях живущих.

Весь тот день парило нещадно, словно солнце собралось весь запас тепла враз отдать земле. По всему горизонту дрожал перегретый воздух, не спасала даже близость воды. Лодья Раголда шла по Днепру как по вязкому киселю, без ветра паруса беспомощно висели, и их

решили убрать. На веслах сидели изнемогающие от жары и духоты варяги, не привыкшие к такой погоде. Возле самого ветрила персид сложил горшки со своим зельем. Рунар посмеялся:

– Что за дрянь ты везешь? Даже Спасене не понравилось!

Но купец, не обращая внимания, тревожно вглядывался в горизонт. Варяги не могли понять, что его беспокоит. Степняки? Пусть попробуют, это не славяне плывут, которых обидеть можно, варяги отпор дадут кому угодно. Но купец показывал не на степь, широко раскинувшуюся вокруг, а на узкую полоску облаков на горизонте. Сколько ни вглядывался Хорень, ничего, кроме самих облаков, не видел. Купец так же тревожно проговорил:

– Гроза будет...

– Ну и хорошо, – вздохнул Раголд. – Хоть чуть полегчает...

Купец покачал головой:

– Гроза в степи и на воде очень опасна.

Раголд, вспомнив грозы и бури, которые перенес в море, усмехнулся:

– А в море легче разве?

– Опасно, – снова возразил купец.

Гуннар расхохотался:

– Раголд, если боится, пусть сойдет, а мы дальше поплывем. И сундуки его повезем. Скажи. Пусть сойдет!

Вслед за ним расхохотались все, кто слышал. Остальные просто поддержали, и через некоторое время смеялись уже все варяги, которых оставалось на драккаре совсем немного. В Ладогу Раголд пришел с двумя сменами гребцов, а сейчас и одной полной не осталось. Тяжел ты, путь купеческий, опасен. Хотя не все погибли в бою, даже наоборот, почти все либо перепившись, либо в глупых стычках, которых можно было легко избежать. На веслах сидели всего шесть человек, и те изнемогали. Грозе были даже рады, она принесла бы прохладу, остудила потные, обгоревшие на жарком солнце тела.

Наконец гряда облаков стала сплошной. Казалось, все кончится разгульной, оглушительной грозой с ливнем, который прогонит липкое удушье этого дня. Но, так и не пролившись, облака отошли вдаль, к курганам на горизонте. К вечеру там уже погрохатывало, варяги с завистью смотрели в ту сторону, где небо разрывалось огромными молниями. Но это было слишком далеко, чтобы принести прохладу, вокруг воздух стоял, плотный и горячий даже ночью.

Персид все твердил, что будет сильный ветер, который принесет грозу. Спросили его, откуда, мол, ведаешь? Тот напомнил, что ежели стукнуть по лодке шестом, то эхо отзовется с той стороны, откуда ветра ждать. Стукнули, и правда показало туда, где гроза уже громыкала.

Драккар встал у берега, и измученные люди свалились со стоном, где сидели. Теплая вода не помогала утолять жажду, в желудке у каждого переливалось и булькало при любом движении, но пить все равно хотелось. Тогда Раголд сделал ошибку, дорого стоившую всем, он разрешил открыть последний бочонок вина, надеясь, что кислое вино утолит жажду. Вино начало бродить на жаре, и вместо утоления жажды варяги просто по привычке напились. Трезвыми оставались только сам Раголд, Хорень, который не признавал такой напиток, и персидский купец, уже давно пожалевший, что связался с неразумными воителями.

Хорень тихонько спросил купца, почему тот боится грозы.

– Бог грозы, вы его зовете Перуном, мечет свои стрелы в самые высокие деревья, какие стоят.

– Ну и что? Это я знаю, не вставай под деревом в грозу, не то прибьет.

– Ветрило нашего корабля высоко, а вокруг степь. Если будет гром, то он обязательно попадет в корабль... – Похоже, купец был перепуган не на шутку. Хорень подумал, что тот прав.

– И что же делать?

– Молить Аллаха, чтоб грозу пронесло мимо.

– Вот еще, мы и так задыхаемся.

– Я тоже, – вздохнул купец. – Мне еще тяжелее, я не могу вынести духоту, болен. Если будет гроза, то я умру.

– Тьфу на тебя! – выругался на него Хорень. – Накаркаешь.

Но купец оказался прав, во всем прав. Во-первых, он не дожидаясь окончания грозы, но даже и до ее начала. Привалился как-то к ветрилу и стал хватать ртом воздух, рвать на себе одежду, открывая шею. Пока Хорень сообразил хотя бы побрызгать на него водичкой, тот дернулся несколько раз и затих, странно расширив и без того круглые черные глаза.

Хорень окликнул Раголда, который воевал с варягами, пытаясь отобрать у тех остатки вина из бочки:

– Слышь, кажись, купец-то помер...

– Чего? – не понял Раголд. Ему было сейчас совсем не до проблем персидского купца, напившиеся гребцы спали вповалку, а еще державшийся на ногах Свеллум допивал забродившее зелье, высоко задирая бочонок, чтобы в горло лились остатки жидкости из него. Варяги были совершенно ни на что не годны, эти люди, так стойко державшиеся в тяжелых штормах, раскисли в жару и просто заснули от забродившего вина. Появись враги, и защищать драккар некому, да и отплыть невозможно, гребцы спали беспробудным сном, теперь их каленым железом не поднимешь.

– Слышь, Раголд, купец-то, говорю, помер, – снова затеребил своего хозяина Хорень. Ему не очень хотелось ночевать в лодье рядом с трупом.

Раголд наконец понял, что говорит Хорень, дернулся к купцу, заругался по-своему.

– Давай отнесем его на берег, пусть там пока полежит. Не знаешь, как у них хоронят?

Хорень отказался:

– Откуда мне знать, я там не бывал.

– Я тоже, – вздохнул Раголд. – Плохо, если не похороним по обычаю.

Тем временем гроза обкладывала степь широкой громыхающей подковой. Небо вдалеке вдруг вспыхивало вполгоризонта, становились видны аспидово-черные тучи, которые пронзала ветвистая смертельно бледная молния, похожая на огромное перевернутое вверх ногами дерево. Даже на расстоянии был слышен треск, а затем громыхало. Спавшие варяги ворчали в тяжелом забытии. Хорень вспомнил рассказы о том, что у Перуна молнии бывают двух видов – одни черно-синие, смертельные, вторые – бело-желтые, те, после которых вслед за грозой дышится легко, которые землю поят. То ли они далече заплыли, то ли Перун нынче злой был, только молнии метал одни черные. Арабский купец прав был, таких молний бояться надо.

По степи внезапно пронесся горячий, но уже смешанный с брызгами дождя ветер. Раголд с Хоренем заторопились. Они действительно снесли тело купца на берег, завернули его в плащ, взятый у одного из спящих варягов, и оставили до утра. К тому времени, когда вернулись на лодью, гроза уже добралась до реки. Громыхало совсем рядом, но без дождя, гроза шла страшная, сухая. Из туч летели только брызги, зато молнии сверкали так, словно все метили именно в драккар. В черной утробе тучи вдруг возникало огромное перевернутое вверх ногами ветвистое дерево, секунду висело так с сухим треском. Потом пропадало, а взамен слышался оглушительный грохот. Спящие варяги наверняка видели во сне жестокий бой, но ни один из них не очнулся. Зато Спасена бросилась на берег и теперь отчаянно лаяла, словно зовя людей за собой. Она металась по кромке воды, но громыхавшее небо перекрывало слабый голос псины.

Раголда радовало отсутствие дождя, который залил бы драккар, а вычерпывать воду некому. А Хорень вдруг отчетливо вспомнил предупреждение умершего купца, тот словно предвидел, что произойдет. Неожиданно для самого себя Хорень потащил Раголда на берег, торопя изо всех сил. Грохотало уже совсем рядом. Тот сопротивлялся, но Хорень упрямо тянул его с драккара, что-то крича про мачту и ярость Перуна. В ответ Раголд, путая норманнские

и уже знакомые славянские слова, кричал про горшки, которые надо снести на берег. Хорень возмутился:

– Какие горшки?! Сейчас вдарит – костей не соберешь!

Купец орал сквозь громовые раскаты про какой-то огонь...

– Будет тебе огонь, сейчас и будет...

Едва они успели отойти от кромки воды, как небо разверзлось с такой силой, что оба от испуга присели, огромная молния пронзила небо и степь и... врезалась в стоящий у берега драккар. Вмиг на нем полыхнуло все – палуба, спящие на ней варяги, сложенные вещи. Одновременно с оглушительным грохотом послышался нечеловеческий вопль. Но ни Раголд, ни Хорень не смогли даже броситься на помощь товарищам, вторая молния ударила неподалеку, и они оба упали на траву, закрыв головы руками. Грохотало со страшной силой, когда все-таки удалось открыть глаза, драккар Раголда пылал, как погребальный костер. Сам оглушенный Раголд лежал без признаков жизни, Хорень сначала решил, что и его поразили гневный Перун, но варяг дышал. Ладожанин попытался пробиться к горящему драккару, на котором почему-то полыхало почти все, горела даже вода вокруг лодки. Такого Хорень никогда не видывал. Ветер усилился, пламя оглушительно ревело, унося со своими искрами и души отошедших в мир иной варягов. Хорень упал на землю и сидел, бессмысленно уставившись на горящую лодку. Захваченный сумасшедшей стихией пламени, он даже не думал, что они с Раголдом остались одни посреди степи.

Наконец начался ливень, но он уже не мог помочь погибшим, зато привел в чувство Раголда. Тот приподнялся, а увидев, что осталось от его драккара и его людей, снова рухнул. Когда через какое-то время Раголд смог добраться до безучастно сидевшего на берегу Хореня, ливень уже потушил остатки драккара, но, несмотря на потоки воды, нестерпимо воняло паленой шерстью и костями. Для Раголда это был привычный запах, варягов провожают в последний путь погребальным костром. Да и славян тоже. Только на сей раз погребальный костер сложила сама природа.

Они не помнили, сколько просидели так, на востоке уже занимался рассвет, когда Раголд, не выдержав, снова упал лицом вниз в мокрую траву.

Отшумела гроза, большая темная туча, волоча за собой хвост дождя, уползла за лес, на горизонте выглянуло солнце, бросило в разрывы облаков сноп ярких лучей, взорвало вокруг тысячи маленьких ослепительных брызг – над рекой выгнула дугу многоцветная красавица радуга. Мост с одного берега реки на другой вышел загляденье, застыл Хорень от такой красоты. Потом ткнул в бок Раголда:

– Гляди! Вот красотища-то!

Ослабший от ночного кошмара и продрогший купец спал, зарывшись лицом в свой плащ. Но когда Хорень его толкнул, сразу вскинулся испуганно:

– А?!

– Экой ты пугливый! Смотри, радуга какая!

– Тьфу ты! – Дальше купец уже ругался на Хореня по-своему, по-свейски. Почему-то ладожанину стало от этого смешно, в другое время не простил бы обиды. Но сейчас он понимал Раголда, тот ведь за грозу лишился всего враз. Остался гол, как и сам Хорень.

Сел Раголд, уставился, только не на радугу, а на остатки своей лодки, что у берега так и болтала вода. Посидел чуть и вдруг рванул к ним, точно кого живого увидал. Хорень за ним, побоялся, что рехнулся купец. Нет, глаза нормальные, только лицо все грязное да измученное. Когда к берегу подбежали, Хорень понял, о чем тот подумал. Сундуки, что на дне стояли, хоть и промокли, а уцелели. Огонь их почти не испортил! И про то, что в сундуках, Хорень тоже вспомнил, там самые дорогие вещи лежали – серебро, да золото, да стекло заморское. Вдвоем

они таскали тяжеленные сундуки на берег, стараясь убрать подальше от воды. Четыре сундука уцелели, не нищий теперь Раголд, да только как их открыть, добро куда деть?

Оба обессиленные, привалились спинами к пузатым бокам, обхваченным вокруг железными полосами, тяжело дышали от непосильного труда, все же вдвоем тащили то, что четверо варягов с трудом поднимали. Посидели, посопели молча, потянулся Раголд к замку, открыть бы да проверить, цело ли что там. Только и замок на славу сделан, не разобьешь его. Тут услышал Хорень, как Раголд хохочет! Пригляделся к купцу, никак все же рехнулся? Нет, веселится от души!

– Мы с тобой, Хорень, богатые, здесь не только мое золото, но и персида того. У него много больше моего было.

Нахмурился Хорень, что им сейчас то золото, ежели они одни в чистом поле? Налетит кто, и не посмотрят, чье оно, самих в полон заберут, а сундуки размечут и золото себе возьмут. А Раголд продолжает:

– Только что мы на него сейчас купить сможем? А? И с собой не унесешь никуда...

Понял Хорень, что за смех у норманна, тоже усмехнулся:

– Нам сейчас самое время думать, как бы самим добычей не стать. Пусть себе золото берут, лишь бы не в рабство, а то нам и голова не понадобится, не то что дорогие вещи...

– И я про это, – вздохнул Раголд.

Забрали их купцы, проплывавшие мимо. Раголд обещал им за спасение половину спасенного добра. Конечно, запросто могли и их отправить рыбам на прокорм, и сундуки просто так себе взять, но ничего дурного не случилось.

На Ильмене Раголд, не скупясь, отдал Нереву с товарищами два сундука из четырех, какие сами выбрали, что там, не сказал, отговорился, что ключи-то утеряны. Мол, потом разобьете, а лучше ключи подберете и откроете. Те выбрали сундуки побогаче видом да побольше весом. Знал Хорень, что ошибаются купцы, в тех сундуках как раз Рагоldово было, а в двух других – персидское. Восточный купец хитер, не стал серебром свои короба оковывать, видать, не впервой разбою подвергался, скромные у него сундуки были, да и весили не так чтоб очень.

Как расплатились, встал вопрос, куда самим-то деваться, не ночевать же на коробах посреди торжища. Хорень вспомнил про родича, что на дальнем конце жил, можно бы к нему, да только живой ли, на месте ли? А как тащить добро? Раголд усмехнулся, достал из-за пазухи кошель, что спрятать умудрился, дал мужикам на пристани две монеты серебряных, те доперли короба к дому. Повезло, родич оказался там, согласился приютить на нужное время.

Уже у Ильменя задал Хорень давно интересовавший его вопрос. Даже при Перуновом гневe никогда он не видел, чтоб вот так загоралось, как на реке, ведь даже вода горела! Перед глазами Хореня всплывала картина лодьи, объятай пламенем, мечущегося варяга, на котором полыхала одежда, и огонь, почему-то потоком стекающий с досок палубы вниз... Иногда даже ночью просыпался в холодном поту от такого видения. Решил спросить у Раголда, не видел ли тот этот ужас, хотя и сомневался, что тот вообще что-то видел.

В ответ купец повел себя странно, едва ли не зажал рот приятелю:

– Тс-с! Не болтай про то никому.

– Почему? – удивился Хорень. – Знаешь что?

Раголд кивнул:

– На лодье были горшки с греческим огнем.

– С чем?

– Есть у греков хитрость такая, горит даже в воде. Мы с этим персидом тайно вывезли через хазар четыре горшка. Они лежали у мачты в корзине, словно бы с персидскими снадoбьями.

– Ну и что? – все-таки не понял Хорень. – Что за огонь, говори ты толком.

– Горит даже в воде, нет от него спасения. Греки не один корабль с его помощью сожгли. А в ветрило Перунова стрела попала, от которой и так все загорается... – со вздохом добавил купец.

Озадаченный услышанным Хорень уставился на приятеля, потом поскреб затылок и хмыкнул:

– А из чего он, этот огонь, знаешь?

– Если б знал... Тайно везли, хотели дома разобраться.

– Жаль, – покачал головой славянин. – Хорошее оружие.

– А то, – согласился норманн, – греки им пользуются, только в великой тайне держат.

– Как же вы украли-то?

Раголд возмутился:

– Кто крал?! Ты что говоришь?!

Хорень даже отступил от такого наскока, понятно, обидел честного купца, тот никогда в краже замечен не был, но возразил:

– А что, греки сами дали, что ли?

– Почему дали? – Раголд слегка смущенно пожал плечами. – Продали. За большие деньги.

– Вот тебе и секрет! – расхохотался Хорень. – А Перун рассердился и всю лодью сжег!

Раголд нахмурился, но ничего не ответил. Немного погодя ладожанин вздохнул:

– А жаль, что сгорело... Ежели поджечь да в кого кинуть, это ж какой урон нанести врагу можно...

Купец все равно промолчал. Чего жалеть о том, что уже случилось, прошедшего не вернуть... Недолго горевал и Хорень, он не умел переживать, жизнь своего требовала.

Глава 14

На Волхове показались лоды, не ильменские – норманнские. Тревожно встрепенулась Ладога, чего ждать от гостей? Кто-то даже крикнул, мол, эх, не успел князь защитить! Разорят? А чего разорять-то? Еще и поставить не успели ничего. Одна за другой выплывали из-за поворота, показывая высоко загнутые носы, украшенные невиданными чудищами, но как приблизились, Сорок первым облегченно вздохнул:

– То Рюрик со своей дружиной.

Обрадовались и остальные, защита плывет, не разор!

Приставали к берегу лоды, вытягивали их варяги на сушу да собирались вместе. Настороженно глядели на них ладожане, хотя сами звали, а теперь страшно стало. Как-то дело повернется?

На берег спрыгнул варяг в дорогом одеянии, к нему тут же метнулся Охрима, который как раз в Ладоге был со своими лодьями. Приветствовал, голову склонил. Смотрел конунг строго, сначала на самого Охриму, потом вокруг. Спросил что-то, остальным не слышно было, рукой повел по берегу. Поняли ладожане, что про пожар спрашивает, тоже огляделись. И словно впервые увидели свое село после той беды, ужаснулись. Одни головешки от бывшего торжища, да и дома не везде встали. Варяги, которые не раз бывали в Ладоге, тоже дивятся, что с ней пожар сделал. Нахмурил князь брови, строго выговаривать стал, словно в том огне Охрима виноват, и купец хмурится, а делать нечего. Показал на новые дома, для князя и дружины поставленные. Строили по свейскому обычаю, с окошками, какие себе не всегда делают. Князь дома разглядывает, а ладожане князя. Особенно женщины, каких в Ладоге мало осталось.

Радога усмехнулась, невиден князь-то, глаза круглые, черные, как уголья, лицо узкое, бороды нет, только длинные усы вниз в разные стороны торчат. Все лицо какое-то выпуклое, а взгляд действительно соколиный. Недаром прозвище у него Рюрик – Сокол значит. А еще нос, как у хищной птицы клюв. С лоды спрыгнул молодо, а так видно, что уж не юноша, и то, дед его Гостомысл давненько дочку замуж к норманнам отдал. Мужики другое примечают, какой меч у князя да какое оружие у остальных. И чего смотрят, ежели тем оружием защищать станут, то успеется привыкнуть, а ежели грабить, то поздно, стоят ладожане безоружные перед варягами. Набычились мужики, недобро беспомощными себя чувствовать, одно дело оказалось на вече кричать, чтоб князя позвали, а другое – его перед собой с боевой дружиной видеть.

Но все обошлось, похвалил Рюрик за дома, поставленные к их приходу, показал, что переделывать, да назначил на завтра начало строительства крепости на мысу, что на правом берегу Ладожки пустой стоял. Согласились ладожане, и сами так мыслили, что если ставить огород, так там. Место подходящее, много городить не надо будет, потому как с двух сторон Волхов и Ладожка прикроют.

Только зря радовались, варяги обживать не собирались, все их мысли о том, чтобы поскорее обратно идти. Ладожане дивились – чего же приходило было? Потом поняли, что варяги вроде за данью пришли, а оказалось, что славян защищать надо. Пошли среди этих защитников споры да свары, если б не конунг с его властью, расползлись бы варяги, часть домой отправилась сразу же. Гадали ладожане, хватит ли силы у Рюрика своих в узде удержать? Хватило, недаром, видать, Соколом прозвали, не только за нос, как у хищной птицы, твердой рукой держал свою дружину.

Одно не любо ладожанам – те защитники до их жен охочи. Ладно бы жениться звали, а то побаловать – и все. Потому не против были, когда защитнички свои украшенные разными диковинными мордами или фигурами лоды направили вверх по Волхову. Пусть уж лучше там, без них женкам как-то спокойней, и мужьям за жен тоже.

Уплыл Рюрик, в крепости остался его зять Рольф, которого свои Пешеходом кличут. Полегчало ладожанам.

Построенная крепость нависает над Ладожкой на правом берегу, хорошо стоит, как подплывают лоды по Волхову, особо со стороны Нево, так сразу ее и видят. Понимают, что не пройти мимо да не взять с налету. Постарались ладожане крепко поставить, на славу, простоит хорошо. То, что князь с основной дружиной ушел к Ильмену, даже лучше, пусть себе. Не привыкли ладожане над собой чью власть чуют, не было у них князей, да и не надобно бы. А что защита есть, хорошо. И зять, которого оставил, разумный, не зря его все чаще Хельги зовут. По-норманнски то значит Мудрый Предводитель. Славяне на свой лад переименовали, Ольгом стали звать. Тому все одно, лишь бы уважали да побаивались. Есть и то, и другое, за дело прозвище получил Ольг. Князь большой, грузный, рядом с ним Рюрик, что малое дите, почти по плечо. Славяне сильных уважают, особо ежели те умные, а Ольг таков. Не просто умный, а еще и хитрый, этот своего добьется.

Его жена, дочь князя Силькизиф Рюриковна (и не выговоришь сразу!), женщина крепкая, сильная, мужу под стать, родить скоро должна. И жена самого Рюрика тоже тяжелая ходит. Только та слабая, квелиая, болеет все, в меха кутается, точно из жарких земель прибыла, а не из свейской стороны. Может, потому князь и оставил женщин с Ольгом пока в тепле да уходе? У князей все запутано, Ольг женился на дочери Рюрика, а сам Рюрик взял его сестру Ефанду. Ольг получается князю вроде как вдвойне родич. Ладожанам все одно, лишь бы им торговать не мешали да своими делами заниматься.

Холопов у князей немного, у дочери одна старая тетка, что еще Гостомысла помнит, потому как с матерью Рюрика во Фрисландию приплыла когда-то, а теперь вот за его дочерью приглядывает, да у княгини две девки из ладожских по двору возятся. Остальное викинги делают, ладожанам не доверяют. Ну и ладно, тоже ничего. Женщины меж собой не дружат страшно, только ладожан и это не удивляет, что, у славян такого мало? Частое дело, дочь отцу мачехи никогда не простит, разве только сама ее выберет. А тут молодая да знатная, себе цену знает, что твоя королева, на княжескую дочь и не глядит, точно та ей не ровня. Вот и не любит ее Силькизиф.

И это ладожанам все равно, лишь бы их не трогали.

Глава 15

Чтобы услышать тяжелую поступь мужа, Силькизиф и прислушиваться не надо, Рольф ходит так, что дом трясется. Неудивительно, что его прозвали Пешеходом, ведь ни один конь не выдерживает грузного зятя-свояка Геррауда-Рюрика. Но сейчас особенно тяжело топает, спешит. Что-то случилось? Силькизиф вот-вот должна родить, ей ни к чему волнения, ребенок крупный, как сказала старая повитуха, которую женщина привезла с собой из Фрисландии. Эта старуха принимала самого Рюрика у ее матери Умилы. Нила тоже вскинулась, насколько позволил возраст, тревожно повернулась к двери. Рольф вошел весь красный от спешки, Силькизиф поняла, что случилось что-то очень серьезное, иначе муж прислал бы кого-то полегче и побыстрее.

Так и есть, Рольф плотно закрыл за собой дверь и приблизился к ложу, на котором лежала жена. Та не сразу разобрала слова сквозь его пыхтение, а когда поняла, о чем он, в ужасе прикрыла рот рукой. Рольф сказал, что любимая жена Рюрика Ефанда, оставленная в Ладогe, не может разродиться, хотя уже с утра мучается. Дочери Рюрика было пора рожать, ждали со дня на день, а вот Ефанде рановато, ей еще ходить больше месяца. Силькизиф даже закричала в ответ, что надо было давно послать за Нилой, если что случится с Ефандой, Рюрик не простит ни зятя, ни дочь! Но тут же и сама почувствовала, что низ живота свело жесткой болью. Старуха Нила бросилась к княжне:

– Пора, тебе уже пора! Дыши глубоко, ложись.

Рольф в ужасе заметался, не могли подождать! Две рожаящие женщины на него одного – это уж слишком! Нила замахала на него руками:

– Иди, князь, отсюда, иди! Не место тебе здесь быть!

Жена конунга Рюрика мучилась с утра, это ее первенец решил родиться. Все считали, что еще рано. Конунг так радовался будущему сыну... И только два человека знали, что совсем не рано и это будет не его сын.

Нила как ушла к Силькизиф, так и не возвращалась. Ефанда почувствовала, что уже не может больше терпеть, по лицу тек холодный липкий пот, руки и ноги противно дрожали. Стало страшно, а вокруг никого. С трудом добрела сначала до крыльца, а потом к воротам. Ладожане не слишком любили княгиню, терем обходили стороной, но, на счастье Ефанды, мимо проходила Радога, заметила едва державшуюся на ногах женщину, бросилась к ней, помогла добраться до постели, уговаривая:

– Не бойся, не бойся...

Когда в терем все же примчался Рольф, его встретил первый крик ребенка. Радога повернулась к варягу:

– Сын! У князя крепкий мальчик!

И тут произошло непонятное, зять конунга почему-то взвыл:

– Не у князя, а у меня сын! Это мой сын! Вон и пятно, как у меня! – Он тыкал огромным пальцем в пятно на ножке младенца.

Радоге стало не по себе, они же брат и сестра, какой сын?! Даже если не родные брат и сестра, у княгини князь есть...

И тут Рольф опомнился, он так зыкнул на Радогу, что женщина поспешила сначала заняться матерью и дитем, а потом и вообще поскорее удалиться. На ее счастье, пришла Нила, привела с собой двух девок, и Радога оказалась больше не нужна.

Рюрик получил известие о том, что Ефанда родила здорового, крупного малыша, а у его дочери девочка умерла почти сразу после рождения. Трувор ехидно усмехнулся, вспомнив Рольфа, которого так недолюбливал:

– Небось задавил своей тушей. Поздравляю, конунг! Твоих сыновей на одного больше стало!

Геррауд усмехнулся:

– Этот любимый, потому что последний. Стар я уже, чтоб сыновей рожать. – Немного подумал и добавил: – И жена любимая. Этот будет править всем, что я завоюю.

Промолчал Трувор, но подумал, что немного достанется бедняге, если так нерешителен будет его отец! И чего конунг боится? Ведь это земля его деда, мать-то Рюрика родом из этих мест, ее отец – князь ободритов Гостомysl. Вроде даже домой вернулся, хотя викинги никогда не считались с женщинами, которых брали в жены, и не думали, откуда те. Не раз бывало, что беззастенчиво грабили своих же родственников. Да и другую давным-давно взял себе Рюрик, Ефанда стала последней, может, потому любимой? Даже дочь его не беспокоит, вон у нее горе, а отец радуется только своей радостью. Но и к этому привыкли викинги. Что такое смерть одного младенца, тем более у молодой здоровой женщины? Еще будут. А нет, так и Рольф вторую возьмет. И у Рюрика детей много, и сыновей, и дочерей. Этому радуется, потому что возраст уже, про остальных и не думал, когда они рождались. Трувор вспомнил, как не любят друг дружку дочь Рюрика Силькизиф и его последняя жена Ефанда. Вот кто доволен из-за смерти внучки Рюрика!

Отмахнулся Трувор от этих глупых мыслей, что это он, как женщина, не о том думает? Викинг разве должен размышлять о чьих-то отношениях? Викинг должен завоевывать новые земли и новые богатства. Вон их вокруг сколько!

– Как сына назовешь? – это уже Синеус.

Рюрик улыбнулся:

– Просто – Ингорь, значит младший.

– Добро, – кивнули названные братья. Правильно, прозвище человек получает потом, когда его заслужит. Геррауд тоже не сразу стал Рюриком, то есть Соколом.

Конунг устроил большой пир в честь рождения сына, его понимали все, конунгу уже много лет, будут ли еще сыновья, тем более что вестник сказал, что Ефанда болеет, неизвестно, а этот вот есть и вроде крепкий. Хорошо, что такой, мать-то у него хилая, вся тощая, как щепка, болезная, а отец немолод. Ефанду не любили все, она совсем не похожа на женщин викингов, крепких и сильных, какая у конунга дочь. Но та родилась от крепкой матери-ободритки, дочери Гостомысла. Синеус, подумав об этом, тоже усмехнулся, выходит, их конунг отчасти ободрит? А в Хольмгарде сидит его брат Вадим Храбрый? Для викингов это не проблема, мешает брат – уберем, да и для славян тоже. Только интересно, что конунг терпеть не может местную землю, с трудом согласился княжить здесь, и из Ладоги тоже насилу вырвали.

Пиво текло рекой, поднимали чаши за Ингоря, сына Рюрика, будущего правителя земель славянских. И не обращали внимания на недовольные взгляды Аскольда и других родичей Рюрика. Конунг что хочет, то и делает, лишь бы дружина была довольна. А пока она своим конунгом довольна. Ладогу грабить не стали, но дань получили хорошую, славянки всем нравятся, еды много, только пиво варить самим приходится, нигде, кроме их родины, не умеют варить настоящее горькое пиво!

Жена конунга Ефанда, родив ребенка, долго и сильно болела. Она лежала пластом на кровати, почти бездыханная, и даже сына от нее унесли. На счастье маленького Ингоря, у дочери Рюрика Силькизиф было много молока, а ее дочка не прожила и дня, поэтому женщина выкармливала своего сводного брата. Сам Геррауд-Рюрик приплыл ненадолго к жене посмотреть сына, но только потоптался возле ее ложа, порадовался крепкому малышу и, поблагодарив свою дочь и Рольфа, уплыл обратно в Хольмгард, там спешно ставили крепость. Ребенок остался на попечении Рольфа.

Силькизиф вынуждена была жить в одном доме с ненавистной ей Ефандой, ведь она кормила ребенка. Одно хорошо, жена конунга Рюрика пластом лежала на ложе. Заболела и старая Нила, что ухаживала за Ефандой, недолго болела, померла на третий день, пометавшись в бреду.

Силькизиф смотрела на проклятую соперницу, разметавшуюся по ложу, грудь той горела от избытка молока, это хорошо, может, скорее отмучается. Силькизиф покормила ее сына и уложила в короб рядом с матерью, пусть все видят, что дочь конунга заботится и о своем брате, и о его матери. И прикорнула-то всего на минуту, устала очень от бессонных ночей, а проснулась и закричала от ужаса – Ефанда бледная, страшная, с растрепанными волосами, сидела на кровати и кормила мальчика грудью. Ее грудь, казалось, лопнет от скопившегося молока, оно брызгало из правого соска во все стороны, а левый сосал Ингорь! На крик прибежали холопки, попытались выхватить у женщины ребенка, но та не отдавала, напротив, закричала на них, чтоб шли вон, что сама выкормит своего малыша! Княжич наелся скоро, а Ефанда все совала и совала ему грудь, заставляла сосать. Мальчик плакал, не хотел брать упругий красный сосок, женщина сердилась. Наконец она устала, отдала ребенка холопке и потребовала, чтоб в комнату не пускали Силькизиф, кормить Ингоря больше не надо, она справится сама.

Когда конунгу Рольфу сказали о происшествии, тот заторопился к женщинам. Он только хотел, чтоб у Ефанды пропало молоко и сына у нее отняли, но все повернулось совсем не так... Брат попытался еще раз убедить сестру молчать об их тайне, о том, что ребенок не Рюрика, а его, объясняя, чем это грозит обоим и мальчику, но та уже плохо понимала, что говорила и делала. Ефанда билась в плаче, обвиняя брата во всех бедах, ей было все равно, слышат их или нет. Рольф уговаривал потерпеть чуть-чуть, не кричать, что все скоро пройдет. И правда, уже к утру Ефанда забылась настолько, что не просыпалась целых три дня. Ребенка перенесли Силькизиф в горницу, она отказалась идти к ложу Ефанды, но мальчик заболел. Рольф понимал, отчего это, ведь сам напоил бедную Ефанду отравой, а та накормила ею сына! Ребенок болел не легче матери, тоже бредил, метался во сне и стал хиреть на глазах. Рольф не мог простить себе такой беды. Спасло его только то, что Ингорь пошел на поправку, чего нельзя было сказать о его матери. Та в конце концов поднялась, но осталась точно тронутой умом и калеккой. Женщина отказывалась от ребенка и кричала, что это не ее сын. Все только руками разводили, что поделать, не в себе...

Рюрик на какое-то время словно забыл, что у него есть маленький сын, да и жена. Женщину затмила очередная славянка, а мальчика оставили на попечении Рольфа и Силькизиф.

Гроза прошла мимо, и Рольф вдруг вспомнил, что не он один знает о рождении своего сына. Надо срочно ее найти, чтоб не проболталась! Викинги знали только один верный способ заставить человека навсегда забыть увиденное или услышанное. Все остальные вроде подкупа они считали ненадежными, можно и перекупить. Тучи сгустились над головой Радоги.

На ее счастье, женщина в тот же вечер проговорила Олексе, стало ясно, что нечаянно узнанная тайна ей грозит большой бедой.

Радога села на лавку и горько расплакалась. Она-то в чем виновата, помогла родить варяжке, на свою голову! Олекса заторопил, мол, не плакать надо, а бежать!

– Куда? – изумилась Радога. – Куда я побегу? Да и дети у меня.

Талица стояла, прижав руку к губам. Они по-прежнему жили в доме Сирка все вместе и радость и обиды тоже делили пополам. Только тут Олекса подумал, что уйди Радога, и им несдобровать. А останься? Тоже. Что делать?

Первой опомнилась Талица:

– Пошли к моим на огнище. Пока найдут, может, что и придумаем.

В ночи ладожане вскинулись от зарева – пылал дом Сирка. Вот те на! Большой пожар, когда вся Ладога горела, выстоял, а тут вдруг сам по себе загорелся. Полыхал дом, все осталь-

ное уцелело. Но пока ладожане сбежались да пока начали тушить, все пошло прахом, самое страшное, что никого из жильцов не видно было. Неужто сгорели, сердешные, в огне-то?! Две семьи ведь жили – Радога с двумя детьми да Олекса со своей Талицей и тремя девчонками. Пошептались, пошептались, пожалели, а что вернешь? Говорили в Ладоге, что вот оно как, и Сирко сгинул, и Радога с детьми не уцелела!

А Олекса уже вел своих женщин с детьми подальше от Ладоги в обход большого болота к веси родителей Талицы. Сидели те совсем уж в медвежьем углу, так, что не всякий по большой охотке доберется, а уж просто так тем более. Тяжело давалась дорога, дети тянули, да скарб какой-никакой захватить пришлось. За плечами Радоги большой короб с поделками Сирка, а клад она и откапывать не стала.

Удачно приплыл Рольф в Ново Град, вроде по делу, что-то про ладожские дела спросить, но в действительности, чтобы в курсе княжеских быть. Но не в том удача, только приплыл, как к Рюрику интересный человек пришел. Купец свейский Раголд, что со своими лодьями далече к хазарам ходил и вообще много где бывал. Главное, про славян рассказать много мог. Рольф даже поморщился, Рюрик не понимает выгоды, с таким человеком обязательно разговаривать надо, его знания на вес золота, это же вроде знаний фарватера у берегов. Но Рюрику неинтересно, едва уговорил позвать к себе этого Раголда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.